

ЭПОХА МЕРТВЫХ

ИСПЫТАНИЕ ПРОЧНОСТИ

ГАЛИНА ГРОМОВА

БУХТА НАДЕЖДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Громова

**Бухта надежды 3.
Испытание прочности**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Громова Г. А.

Бухта надежды 3. Испытание прочности / Г. А. Громова —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Прошло чуть более двух недель с момента, когда жизнь на всей планете, в каждом ее уголке, даже самом отдаленном, перевернулась с ног на голову. Начался новый виток эволюции человечества. И теперь homo sapiens, он же человек разумный, был свергнут с вершины, на которой царил несколько тысячелетий, с вершины пищевой пирамиды. Человек перестал быть самым опасным хищником. Теперь новые владельцы городов и весей охотились на людей всеми доступными способами, в процессе мутации отрачивая столь необходимые для смертоубийства зубы и когти, всячески совершенствуя и модернизируя свое тело, свой организм для единственной цели – убивать, чтобы существовать самим. Но даже в такое время, когда цивилизация рухнула буквально в течение недели, разбившись на множества мелких осколков, которым еще предстояло воссоединиться в нечто глобальное, человек не торопился отдавать свои честно заработанные за тысячелетия войн и убийств лавры. Содержит нецензурную брань.

© Громова Г. А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	5
ИНТЕРЛЮДИЯ	6
8 АПРЕЛЯ 9.00. Гарнизон близ бухты Казачья. Виктор Никитин	19
10.00. Площадь Нахимова, г. Севастополь. Андрей Доронин	24
11.00. г. Севастополь. Иван Корниенко (Шамиль)	33
13.00. г. Севастополь. Лариса Тюнина	40
17.00. г. Севастополь. Андрей Доронин	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Галина Громова

Бухта надежды 3. Испытание прочности

Пролог

Прошло чуть более двух недель с того момента, когда жизнь на всей планете, в каждом ее уголке, даже самом отдаленном – от многомиллионного мегаполиса до небольшой деревушки – перевернулась с ног на голову. Начался новый виток эволюции человечества. И теперь homo sapiens, он же человек разумный, был свергнут с вершины, на которой царил несколько тысячелетий, с вершины пищевой пирамиды.

Человек перестал быть самым опасным хищником. Теперь новые владельцы городов и весей охотились на людей всеми доступными способами, в процессе мутации отрачивая столь необходимые для смертоубийства зубы и когти, всячески совершенствуя и модернизируя свое тело, свой организм для единственной цели – убивать, чтобы существовать самим.

Морфы. Эти мутировавшие зомби, наравне со своими менее развитыми «собратьями», стали новыми игроками на всемирной шахматной игре, где на кону стояла жизнь.

Но даже в такое время, когда цивилизация рухнула буквально в течение недели, разбившись на множества мелких осколков, которым еще предстояло воссоединиться в нечто глобальное, человек не торопился отдавать свои честно заработанные за тысячелетия войн и убийств лавры. Созданные в первые дни Беды анклавов и группы, поняв и разобравшись в общей суматохе, как бороться с заполонившими города зомби, относительно спокойно выдохнули и обратили свое пристальное внимание друг на друга.

ИНТЕРЛЮДИЯ

21 МАРТА

10.00. Площадь Нахимова, г. Севастополь.

Лариса Тюнина

– Ало, Аля?! Аля, ты в школе?

С первого взгляда могло показаться, что Лариса Тюнина пыталась докричаться до дочери без использования современного средства коммуникации, каковым и являлся зажатый в ладони мобильный телефон. Но это было только на первый взгляд. Повышенный голос и общее состояние женщины, тридцатидвухлетней одинокой матери, было связано с происходящими вокруг нее событиями. Еще бы! Кто останется спокойным, когда вокруг творится какой-то беспорядок, похожий на разгон гей-парада: когда одни люди кидаются на других со звериной яростью.

Но дочкин голос, к счастью, был лишен каких-либо ноток тревоги или страха, чего так боялась сама Лариса. По радио, что постоянно транслировало то музыкальные программы, то новостные сводки, несколько раз упоминали о беспорядках в крупных городах и мировых столицах, но Лара, как обычно, не очень-то и обращала на подобные чернушные новости внимания. Ей нужно было продать товар, а не вслушиваться в тараторящий с одинаковой тональностью голос ведущих радиоэфира, прерываемый лишь редкой рекламой, что уже само по себе было необычно.

Как и всякой одинокой женщине, ну а тем более, имеющей ребенка, Ларисе приходилось вкалывать с утра до ночи, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Конечно, сначала было сложно, но постепенно ее маленький бизнес начал приносить свои плоды, и ни ей, ни дочке не приходилось особо выбирать что купить – зимние сапоги для ребенка или мясо, чтобы накормить этого же ребенка.

– Ало, мам! Да... Ты чего? – Голос Альки, в свидетельстве о рождении которой значилось более «благородное» имя Алевтина, подействовал немного отрезвляюще. Но все равно с паникой было очень сложно справиться.

– Аля, Алечка! Оставайся в классе! Я сейчас приеду. Слышишь? Никуда не уходи! Я через десять минут буду. Ты слышишь меня?

– Мам, ну слышу-слышу... – недовольно протянула дочка. – Ты чего? Мам тут такое...

Но Лара ничего не слышала, быстро тараторя в телефон.

– Никуда не уходи! Обещай мне.

– Хорошо, мамочка, обещаю!

Лариса трясущимися руками пыталась повернуть ключ зажигания в своем «Матизе» – крохотной малолитражке, которая как нельзя лучше подходила для передвижения по городу. Как назло, руки не слушались, ходили ходуном, как у какого-нибудь забулдыги, а ключ и вовсе не хотел ровно входить в отверстие, вызывая у Ларисы еще большее раздражение.

Она вообще была натурой эмоциональной, хотя со временем научилась контролировать свои эмоции. Но порой натура брала верх. И чаще всего это случалось на дороге, когда кто-нибудь, презрительно глядя на ее «Мотыку», как ласково, про себя она именовала машинку, старался подрезать или с правой полосы повернуть налево. И это не говоря уже о выпрыгивающих под колеса пешеходах. Тогда уже Лара давала волю эмоциям и красочно описывала все, что думает о подобных индивидуумах.

И вот опять волна раздражения захлестнула ее с головой, заставив выйти из себя.

– Да черт возьми! – в сердцах воскликнула Лариса и ударила обеими руками по ни в чем не повинному рулю, упакованном в смешной мохнатый розовый чехол с короткой бахромой, предназначенный всем своим видом нести умиротворение и переносить в страну розовых пони. Возможно, это было чисто по-женски или даже по-детски надевать это мохнатое чудо на руль, но Ларисе очень нравилась ее машинка – хоть и небольшая по размерам, но резвая и поворотливая, поэтому среди серых будней хотелось какого-то яркого пятна в жизни. А чем нежно-розовый мягкий руль не подходил на эту роль? По крайней мере, глядя на него, даже самое дурное настроение, навеянное утренней необходимостью ехать на работу, улучшалось за считанные минуты.

Справа сработала сигнализация. Ее надоедливый визг раздавался на всю улицу, примаанивая все большее количество этих ненормальных. Лариса с ужасом наблюдала, как окровавленная фигура несколько раз ударившись о капот припаркованного внедорожника, чья сигнализация так раздражительно горлопанила на всю округу, вдруг повернула свое лицо (если это можно было назвать лицом) в ее сторону, словно переключив все свое внимание, и медленно, нелепо раскачиваясь, побрела напрямик к Ларисиной машине.

– Черт! Черт! Черт!

Лара запаниковала, вновь попытавшись вставить ключ и завести двигатель. На этот раз все получилось. Бензонасос тихо зашуршал и, пискнув еле слышным звуком, доложил о подкачке бензина. Дальше повернув ключ от себя, Лариса с радостью услышала звук замурлыкавшего двигателя. Вот почему-то звук работавшего движка был похож именно на мурчание, тогда как любой внедорожник попросту ревет дурным голосом, не говоря уже о детищах отечественного автопрома. Хотя пару месяцев назад в ее машинке «полетел» датчик холостого хода, и тогда ее крошка-Матиз ревел дурным воем раненного мамонта, вызывая недоумевающие взгляды прохожих.

Раскачивавшаяся окровавленная фигура вплотную приблизилась к авто и буквально впилась своим ужасным взглядом в испуганную Ларису, завозив руками по боковому стеклу, словно не понимая, почему цель видна, но недостижима. Лариса пискнула и, в панике включив заднюю передачу, резко вдавила педаль газа в пол. Авто взвизгнуло шинами и рвануло назад, впечатавшись задним бампером в припаркованный на той стороне улицы серебристый «Ланос». Улочка, как и большинство дорог в центре Севастополя, была неширокая, две машины разделяло буквально несколько метров, поэтому Лариса и сама не ожидала такого поворота событий. Но даже отчетливый хруст сминаемого пластика бампера, не отличавшегося особой крепостью, не заставил Лару отвести взгляд от страшного человека.

А тот, казалось бы, удивился внезапно ускользнувшей из рук добыче, но, заметив ее снова, изменил траекторию движения, ковыляя через улицу напрямик к наметившейся жертве. Лариса, видя такое дело, быстро переключила коробку передач и газанула, пытаясь уехать оттуда как можно скорее. Про то небольшое ДТП, виновницей которого она стала, она даже не подумала, как и о том, что сейчас фактически идет на второе правонарушение – сокрытие с места аварии. Ей было не до того. Центральный рынок, на котором Лариса и работала продавцом, казалось, сошел с ума...

Откуда это все началось и что это за люди, Лара не понимала до сих пор. Просто в какой-то момент и так не кажущийся спокойным и размеренным рынок попросту сошел с ума. Суэта, крики раненных и вопли испуганных людей в один миг заполонил все пространство... И как Лара умудрилась целёхонькой добежать до своей машины, не замкнув даже павильон, в котором и торговала женским бельем, она и сама не знала... Просто чудом. А товар? Да и черт с ним с этим товаром!

Своя шкура подороже будет, чем несколько десятков разнообразных трусов, носков и бюстгалстеров с романтическими рюшами, которыми она и торговала.

Тем более, после всего увиденного.

Добравшись до машины и впрыгнув вовнутрь, женщина почувствовала себя хоть и в мнимой, но все же безопасности. Хотя по правде сказать тонкий металл, из которого был выполнен корпус авто, был слабой защитой. Но об этом женщина не думала, первой ее мыслью была мысль о дочери. Как она там? Ведь сразу почему-то вспомнился монотонный бубнеж радио ведущего про беспорядки, а потом все произошедшее... Уж лучше забрать дочку со школы. На всякий случай.

Чтобы заехать за Алькой, что училась в первой гимназии в третьем «А» классе, пришлось потратить почти час. Хотя обычно дорога на Центральную горку¹, где и располагалась Севастопольская гимназия номер один имени светила русской поэзии – А.С.Пушкина, гордость города, альма-матер победителей всяческого рода олимпиад и конкурсов, занимала минут двадцать. И то только потому, что основную часть времени приходилось протискиваться по узким улочкам исторического центра.

Вот и теперь центр города напоминал улей – люди словно взбесились и все бросились в свои автомобили... Да еще и эти.... сумасшедшие, которые едва ли не под колеса бросались, словно не понимая, что запросто могут стать причиной аварии, а то и отдать Богу душу. Но им, казалось, было на это глубоко фиолетово – перли напрямик, не разбирая дороги или бросались на проходящих мимо людей, а те уже, в свою очередь, отскакивали от них, порой не боясь и выскочить на проезжую часть. Из-за этого поток в обе стороны по проспекту Нахимова двигался очень медленно, все чаще случались ДТП из-за очередного бедолаги, свалившегося практически под колеса машины. Только благодаря размерам своей машинки, Ларе удавалось разъезжаться со встречными автомобилями. Будь ее машинка чуть пошире или подлиннее, то встала бы она намертво на дороге...

На Горке было чутка потише. Конечно, машин тоже было достаточно – кто был похитрее старался проскочить вечно загруженный центр насквозь. Оказалось, что жива еще русская интеллигенция, ведь хитромудрым был каждый третий, судя интенсивности движения на Горке. Но тут хоть не было этих неповоротливых китов – троллейбусов и автобусов, что значительно разгружало дорогу.

Алька Ларису не послушалась – ждала возле ворот, ведущих на школьный двор. Женщина как увидела дочку, одетую в ярко-красную дутую куртку, наполовину расстегнутой из-за теплой погоды, на улице, то чуть было не схватила за сердце. Сразу же вспомнилась увиденная еще час назад картина, как странная дергающаяся женщина с какими-то одурманенными глазами гонялась за людьми на рынке, стараясь их укусить. И когда догнала не шибко поворотливую в силу многих обстоятельств, в том числе и возраста, бабульку, то попросту впиалась той в руку, как голодный бультерьер в сахарную косточку. Древняя, как участник октябрьской революции старушка верещала так, что, казалось, вот-вот перейдет порог ультразвука, но тетка грызла ее руку, не обращая на визг старушки никакого внимания. И вот теперь Алька, послушавшись мать, подвергала себя такой опасности. «Ну что за непослушная девчонка! Ну неужели так сложно сделать все как я сказала?» – рассердилась Лариса, резко затормозив возле бордюра, и несколько раз стукнула по середине руля, привлекая внимание дочки резкими сигналами.

Та, заметив мать, со всех ног бросилась к машине, придерживая одной рукой норовящий свалиться рюкзак со множеством учебников и тетрадей, отчего тот даже с виду казался попросту неподъемным, а второй – норовящую перекрутиться куртку.

– Фух! – Запрыгнула на переднее сиденье девчонка и заправила выбившиеся пряди челки за уши, торчащие в стороны словно локаторы, отчего девчонка очень сильно стеснялась и вся-

¹ Центральная горка (Горка) – Центральный городской холм

чески пыталась хоть как-то этот недостаток скрыть. Но сейчас она как-то абсолютно безразлично отнеслась к своей внешности. – Привет, мам!

– Привет-привет. Я где тебе сказала меня ждать?! – неожиданно даже для себя гаркнула Лариса, быстро осматривая дочку, которая на первый взгляд была абсолютно цела и невредима, разве что слегка перепугана. И не столько происходящим, сколько реакцией матери. – Ну почему ты такая упертая? Я что тебе сказала?

– Мам... Но там...

– Что там?

– Там Екатерина Алексеевна бросалась на нас. С рычанием... – Лариса почувствовала, как сердце ухнуло в пятки. – Поэтому я выбежала из класса вместе с остальными и решила ждать тебя здесь. Здесь хоть не так страшно...

Лариса на секунду прикрыла глаза, стараясь унять учащенное сердцебиение дыхательной техникой, о которой так часто рассказывали на занятиях по бодифлексу, что Лара иногда посещала по вечерам, чтобы хоть немного отвлечься от постоянного круговорота, состоящего из работы и заботы о дочке.

– Ты как?

– Да нормально, мам! Она меня пыталась за рукав схватить, но я вырвалась, схватила куртку и рюкзак и рванула в туалет, потом, когда ты мне позвонила, то вышла из школы и стала здесь тебя ждать. А вот Женьку Дерюгина, ну помнишь, который вечно ко мне цепляется, она цапнула за руку! Представляешь? И Катю тоже пыталась – я краем глаза видела.

– Угу. – Безразлично отреагировала Лариса, которой, если уж говорить по правде, на других было абсолютно наплевать. Главное, что ее ребенок жив, здоров и невредим. – Ладно, поехали.

Алька как обычно ерзала на кресле, то и дело спрашивая:

– А куда мы едем?

– Куда-куда... домой.

– А как же твоя работа?

Лариса не стала вдаваться в подробности произошедшего и ответила общими фразами:

– На сегодня выходной. Так что посидим немного дома.

– Ур-ра! И будем мультики смотреть?

– Только после того, как сделаешь все уроки. И повторишь английский. Андерстэнд?

– Ес оф кос... – надулась Алька и демонстративно уставилась в окно. Ведь она, как всяческий ребенок, абсолютно не желала тратить время на то, чтобы грызть и так довольно изгрызенный до нее многими поколениями гранит науки.

Снова пришлось петлять по узким улочкам, попутно удивляясь количеству людей на улицах с каким-то отрешенным взглядом. Вынырнув возле ДОФа², Ларе пришлось прилично постоять с включенным поворотником, пропуская несколько десятков машин, прежде чем ей удалось вклиниться в довольно плотный поток, но буквально напротив памятника Нахимову все движение встало намертво.

Что было этому причиной – не понятно. Как раз в том участке дороги был поворот налево, и обзор закрывали стоящие один за другим троллейбусы, переполненные людьми. Лариса несколько раз нервно нажала на клаксон. Нельзя сказать, что это помогло делу, скорее, дало хоть какое-то моральное успокоение. Впереди стоявший топик³ закрывал весь обзор попутного движения, а сзади уже собиралась целая кавалькада разнокалиберных машин с нервными водителями внутри.

² ДОФ – Дом офицеров флота

³ Топик – рейсовый пассажирский микроавтобус

Через десять минут ситуация вообще никак не изменилась. Пробка как стояла, так и продолжала стоять намертво, разве что народу на самой площади прибавилось – видать, катер с Северной пришел. Только вот люди вели себя как-то странно: одни что есть мочи спешили пересечь площадь, а другие еле-еле ковыляли... Совсем как те, кого Лариса видела на рынке.

Все чаще и чаще звучали нервные сигналы клаксонов от терявших терпение водителей. Станные люди с безумными глазами, которых Лара про себя окрестила «психами», добрались до пробки, после чего разделились на две группы. Первые так и преследовали не ставших дожидаться, когда же рассосется пробка, и решивших пройти до площади Лазарева пешком. Вторые же обратили все свое пристальное внимание на застрявших в автомобилях водителей и пассажиров, принимая к стеклам и елозя руками по единственной преграде, отделяющих их от ненормальных, вызывающих одним своим видом приступ животного ужаса. И это было отнюдь не иносказательное выражение – от одного взгляда в глаза взбесившихся людей Ларису кидало то в жар, то в холод, а живот начинало сводить от спазм.

Некоторые из пассажиров и водителей пытались отогнать «психов» от машин, выскакивали из них, пытались прогнать безумцев, но те не отступали, а наоборот, пытались цапнуть за руки или вообще за что-либо, до чего могли дотянуться. Лариса же для себя решила, что из машины не ногой. Внезапно Алька противно заверещала, когда один из «глазастых» приткнулся к боковому стеклу и уставился на нее белёсыми буркалами, по-звериному щеря рот.

– Мама! Мама... – только и повторяла она, пальцами теребя замок ремня безопасности, пытаясь расстегнуть последний.

Лара глянула в ту сторону и нервно сжала руками махровый руль.

– Тихо!

– Ма-а-а-ма!!! – кричала девчонка, в ужасе пытаясь как можно дальше отстраниться от опасности.

– Да помолчи ты! Тихо! – рявкнула со всей силы Лара, которая была напугана не меньше, а то и больше дочери. Ведь к ее ужасу от увиденного прибавлялся еще и страх за своего ребенка. Но дочка совсем не слышала мать, дрожащими руками отстегивая ремень безопасности, крепко накрепко фиксировавший ее и не дававший ей дернуться с места.

– А-а-а-а! – верещала Алька, пока Лара хлестким ударом не залепила той звонкую пощечину, оставившую на нежной коже ярко-алый след от руки. Лариса чувствовала себя ужасно, ведь она никогда и пальцем не трогала дочь, даже если та в детстве и вела себя не самым лучшим образом. Но вот чтобы так... да по лицу... да и не за что, если уж откровенно говорить.

Но экзекуция помогла – девчонка замолчала, с удивлением и бесконечной обидой глядя на мать заплаканными глазами, на какое-то мгновение даже позабыв о маячившей в окне физиономии.

– Прости, пожалуйста... – застыдилась Лариса, в голове подбирая варианты, как бы скрыться от этого ужасного взгляда. – Так, слушай меня... На меня смотри, слышишь? Не смотри на него. На меня смотри!

– Хорошо, мам... – дрожащими губами прошептала девочка, стараясь не смотреть вправо.

– Так, теперь перелезь на заднее сиденье, там, за спинкой сиденья лежит солнцезащитные шторки, ну с серебристым покрытием... Видишь?

Алька, пытаясь как паровоз, пролезла между близко расположенными передними сиденьями и заглянула на заднюю полочку, где и лежали в сложенном состоянии две шторки – на переднее и на заднее стекло.

– Вижу!

– Давай их сюда! – повернулась к дочке Лара, протянув руки.

Девчонка передала шторки и вопросительно уставилась на мать, которая тут же принялась их расправлять и пытаться одну из них прикрепить липучками на всю возможную ширину

к боковым стеклам, а вторую на переднее стекло, где шторке и предписано было находиться. В салоне тут же стало заметно темнее и даже как-то безопаснее, что ли. Хотя эта безопасность и была мнимой.

– Ну что? – Поинтересовалась Лариса, переведя дух. – Так хоть не так страшно?

– Угу, – кивнула Алька и выглянула на улицу через открытый участок заднего бокового стекла. – А он так и не уходит, гад!

– Ничего... Сейчас пробка начнет рассасываться и мы забудем про этого психа как про страшный сон, – попыталась обнадежить дочку Лариса, хотя самой плохо верилось в свои же слова – обстановка с каждой минутой ухудшалась.

– А как мы увидим, что пробка рассасывается? Ты же лобовое стекло закрыла... – проявила чудеса сообразительности Алька.

– А я через боковое все увижу, – кивнула Лара влево.

Но ни через полчаса, ни через час, ни через два пробка не сдвинулась с места ни на метр. Наоборот, ситуация все больше и больше ухудшалась. У Ларисы складывалось такое ощущение, что «психов» становилось больше. Кругом царил суматоха, а в воздухе витали флюиды страха, веселенькая музыка из колонок уже не отвлекала от мрачных мыслей, а только вызвала тупое раздражение. И что самое паскудное, Лара не знала, что делать... Выйти из машины – тут же окажешься практически один на один с этими ненормальными, а оставаться внутри уже было попросту невыносимо. Ноги ныли от постоянного сидения, а Алька ныла от безделья, доводя своим нытьем Ларису до изнеможения.

– Ма-а-ам, ну ма-а-ам... – Алька, не смотря на красноречивые взгляды матери, грызла ноготь большого пальца правой руки.

– Чего тебе?

– Я в туалет хочу... – вынула палец изо рта она.

– Терпи.

– Да я терпела...

– Ну еще потерпи. – Лариса чувствовала, что сама вот-вот вопреки своим словам потерпит терпение.

– Не могу больше.

– Ну и что ты предлагаешь? Ты видишь, что если мы даже и выйдем на улицу, то минимум до площади Лазарева придется ногами топтать... И весьма резво – мне эти... – Лара многозначительно кивнула в сторону, – очень не нравятся. А если и в районе Центрального рынка та же ситуация, в чем я и не сомневаюсь, то драпать нужно будет до самой «Чайки»⁴. Выдержишь?

– Не знаю... – задумалась Алька.

– То-то же... Так... Сейчас... Я кое-что придумала. Помнишь, тетю Свету? Сейчас я ей позвоню, и мы поедем к ней.

Света была давней приятельницей Ларисы, но была одна загвоздка – та жила на Северной, в районе Моряка⁵. Так что добраться до нее и пересидеть весь этот дурдом было проще, чем доехать к себе домой. Хотя и тут была своя проблема – придется перебираться через бухту на катере...

Лариса мысленно поблагодарила небеса за то, что сейчас она стояла в крайнем правом ряду, и находилась хоть немного, но ближе к площади. «Псих» куда-то ушел, заметив новую жертву, чем несказанно обрадовал и саму Лару, и тем более Альку, ерзающую на сиденье то ли на почве расшатавшихся нервов, то ли от физиологических потребностей организма. Но просто так вылезать из хоть не очень надежного, но убежища, тоже не хотелось – нужно было

⁴ Чайка – Стадион "Чайка" на пл. Восставших, сейчас на нем располагаются Радио и продуктовый рынок

⁵ Моряк – Кинотеатр на Северной стороне, следующая остановка от пл. Захарова

все хорошенько обдумать. Тем более что до следующего прихода катера оставалось минут пятнадцать, если портофлот будет и далее придерживаться расписания.

– Ма-а-ам, ну ма-а-ам... Я уже не могу терпеть.

Лариса старалась не обращать внимания на нытье дочки, но с каждым разом это делать становилось все труднее и труднее.

– Это я уже поняла. Так, доча, давай еще кой-че нужно сделать. Вот там, где ты брала шторы, есть такие тросики, присоединенные к полке. Видишь?

– Ага!

Лариса наблюдала в зеркало заднего вида, как Алька, перегнувшись через спинку заднего сиденья, выставила свою не в меру упитанную попу, из-за которой постоянно возникали проблемы с покупкой одежды, и ковырялась там с подъемными тросиками, что приподнимали заднюю полку вслед за открытием багажника.

– Ну что ты там так долго копаешься....

– Сейчас... Все! – радостно выдохнула девчонка.

– Теперь полку приподними и загляни в багажник. Там аптечка должна быть. В кожаной такой сумочке. Видишь?

– Да вижу-вижу... Тут кроме этой аптечки больше ничего и нет.

«Еще бы!» – мысленно хмыкнула про себя Лариса. – «Туда больше ничего и не поместится. Это же косметичка, а не багажник!»

– Ну так доставай и давай двигай ко мне. – Лариса перевела взгляд с зеркала на боковое стекло, и чуть было не заорала в голос.

На полосе встречного движения парочка «психов» с неприсущим нормальному человеку аппетитом вгрызалась в истошно орущего мужика. Лара как замороженная смотрела на эту кровавую картину и не могла отвести взгляд, словно что-то непреодолимо влекло ее всматриваться в эту ужасную картину, запоминать каждую деталь.

Но все же внимание Ларисы переключилось на другую картину: в небольшом красном хэтчбеке, стоявшем в соседнем ряду, трехлетний мальчишка, ерзавший доселе в автомобильном кресле, и пытавшийся всеми правдами и неправдами докричаться до матери, которая как-то неестественно откинулась в кресле, словно заснула. Но как можно спать, когда ребенок так кричит сквозь слезы, Лариса не понимала. В бытность дочкиного младенчества Лара от едва различимого стона подскакивала, а тут... Мальчишка в смешной шапке, делавшей его похожим на щекастого зайца, наконец, справился с застежками ремней безопасности и, сбросив последние, подполз, чуть не упав, к матери. Лара видела, как пацаненок начал тормошить мать, плотая катящиеся с глазенок слезы и смешно произнося слова:

– Мамочта, не спи, не спи! Мамочта!

Мальчишка как мог, так и старался растормошить мать, но та оставалась полностью безучастной, не реагируя даже на тот факт, что ребенок пытается крохотными пальчиками раскрыть ей веки, приговаривая при этом «Мамочта, проснись, проснись!».

– Мам, ты чего? – выдернул ее из состояния оцепенения голос дочери. Почему-то именно этот пацаненок и его бесполезные попытки разбудить не вовремя уснувшую мать заставили ощутить Ларису какую-то мощную волну нежности к дочери. Ту хотелось обнять, затискать, зацеловать.... Но вряд ли бы Алька просто так далась – скорее бы несказанно удивилась такому поведению матери, а то бы еще и недовольно фыркала и кривилась. – Мам?

– А? Что? – дернулась Лариса и тут же сообразила, что дочке лучше не видеть того, что творится за окном.

– Мам! – встревожено нахмурилась Алька, недоверчиво глядя на растерянную Ларису. – Ты какая-то странная. Даже немного побледнела. Тебе плохо?

– Нет. Все нормально. – Покачала головой Лара. – Давай аптечку и свой рюкзак.

Алька растерянно протянула сначала первое, а затем и второе и молча, не говоря ни слова, наблюдала за тем, как Лариса методично выкидывает из рюкзака учебники и рабочие тетради, оставив только едва начатую поллитровую бутылку с компотом, которую Лара каждое утро выдавала дочке в школу. Затем очередь пришла за аптечкой. Лариса закинула ее в нутро рюкзака, затем положила туда же упаковку влажных салфеток и небольшой моток туалетной бумаги, что всегда были в машине, и шумно застегнула молнию. Что именно подвигло ее на подобные действия, она и сама не знала. Просто почему-то вдруг в голове мелькнуло, что лучше аптечку держать при себе, исходя из количества увиденных раненных людей на улице.

Если честно, то было немного страшно выходить из машины, которая хоть как-то, но создавала видимость защиты.

– Алька, глянь, ушел этот гад глазастый?

– Ушел, мам, – подтвердила дочка, аккуратно отогнув краешек серебристой шторки.

– Ну тогда сейчас аккуратно вылезает из машины и деру через памятник к катеру. Только стараемся обогнать этих странных. Поняла?

– Поняла, мам. Только давай в туалет еще заскочим.

– Если будет время. Давай, выскакивай!

Лариса одновременно с Алькой вышла из машины, нервно озираясь по сторонам, нажала на кнопку автобрелока и быстро обошла «Матиз» спереди, схватив дочку за руку и накинув лямки рюкзака ей на плечи. Теперь нужно было быстро-быстро пересечь площадь, на которой было пока только несколько бредущих фигур. Случайные прохожие, спешащие на катер, старались по широкой дуге обходить этих странных личностей. Две женщины с всклокоченными волосами и подрванными колготками, разлезшимися стрелками по сбитым коленкам, доселе гипнотизировавшие водителя и пассажиров автомобиля в соседнем ряду, перевели взгляд на убегающую Ларису и, отлепившись от стекол автомобиля, медленно последовали за ними.

Казалось, что площадь они не пересекут никогда. Время словно вязкий кисель, обволакивающий увязшую в нем муху, замедлило свой бег, а ноги и вовсе отказывались слушаться. Вроде, бежишь-бежишь, а такое ощущение, что стоишь на месте... словно хомячок в колесе. У Альки когда-то был такой – гонял в колесе с выпученными от страха глазами, когда девочка, желая позабавиться, проводила пальцами поперек решетки. Вот и у Ларисы складывалось такое же ощущение, что они вдвоем как тот хомячок – пыжаты, бегут, а на самом деле не сдвинулись ни на метр.

Конечно, их потуги не остались незамеченными: несколько странного вида человек немедленно увязались вслед за ними, вызывая у Ларисы на уровне подсознания дикую панику. Почему – она и сама не могла объяснить.

Фух! Ну наконец-то... Вот и колонны, а вот уже в пределах видимости спуск к катерам.

– Мам! В туалет! – разнылась запыхавшаяся и покрасневшая Алька.

– Ну давай, – согласно кивнула Лара и едва увернулась от попытавшегося схватить ее за руку офицера в длинной черной шинели, что до этого как-то бездумно стоял у забора, огораживающего двухэтажное здание военной комендатуры. – Осторожнее! – только и успела крикнуть Лара, прежде чем подняла глаза и увидела растерзанное лицо этого мужчины с потеками алой крови, которая была практически незаметна на черной материи офицерской формы.

Лариса завизжала так, как никогда доселе. Она даже и не подозревала, что ее голосовые связки могли брать такие высокие тональности без угрозы повредиться. Алька, испуганная странным поведением матери, сначала ничего не поняла, но затем присоединилась к необычному дуэту, чувствуя, как физиология берет верх над самообладанием.

Офицер с окровавленным и разорванным лицом, не обращая никакого внимания на двух дикоорущих барышень, снова попытался протянуть руки, но на этот раз уже к Альке, что и послужило толчком Ларисе прийти в себя. Наверное, пресловутый материнский инстинкт имеет таки место быть, ибо Лара вдруг прекратила орать и со всей силы навалилась на посяг-

нувшего на святое мужчину, сбивая его с ног, а сама, прикрикнув на дочку, потащила ту к общественному туалету, что располагался как раз напротив входа в диспетчерскую порто-флота, расположенную над спуском к катерам.

– Мама! Мама, что это... Ты видела? Видела?! – дергалась Алька, выворачивая голову, чтобы посмотреть еще раз на страшного мужика.

– Иди давай! – подтолкнула ее Лара и, всунув в окошко кассиру пятерик и не дождавшись сдачи, проскочила к кабинам.

– Эй, сдачу не забудьте! – послышался крик тетки на кассе. – Диарея у вас, что ли?

Алька возилась как на зло долго, смущенная неожиданной слабостью своего организма. Лариса нервничала, то и дело прислушиваясь, не дает ли отходящий катер предупредительный гудок. А еще она вновь и вновь прокручивала в голове одну и ту же картинку: окровавленный офицер, тянущий руки к ее дочери. Что это? Кто это? Как такое возможно?

Больше вопросов, чем ответов. Еще и Алька-копуша....

– Ну что ты там застряла?!

– Иду, мам!

Послышался шум сливаемой воды и щелчок открываемой щеколды, которая, казалось, висела исключительно на честном слове.

– Ты чего так долго?

– Да я... – замямила девчонка, опуская глаза, но Лариса ее перебила.

– Ладно, потом. Все свои дела сделала?

– Да.

– Пойдем... По сторонам не забудь поглядывать, вдруг тот еще там. – Кто такой «тот» и мать, и дочь поняли сразу и без подсказок.

На улице вновь послышался какой-то шум, и из своей крохотной кабинки выскочила тетка-билетерша, проявив не дюжую ловкость для своей комплекции.

– Да что это сегодня такое?! Вроде, и футбола нет, и концерт никакой не запланирован, а орут на улице похлеще, чем в праздники! – тетка в серо-голубом застиранном халате с разноцветными пуговицами, не переставая возмущаться, деловито проковыляла к выходу и высунула на улицу свой любопытный нос.

Лариса не видела, что там произошло дальше – слышала только визг вперемешку с матами. Придерживая Альку, чтобы та не выскочила вперед нее, Лара медленно начала подходить к выходу, когда вовнутрь снова забежала растрепанная и испуганная билетерша, придерживаясь за кровоточащую руку, и бешено вращая глазами.

– Гад такой! Сволочь! – только и шипела та, стараясь одной рукой кое-как закрыть двери. Наконец, дверь закрылась, а тетка, наконец, заметила неожиданных зрителей. – А вы чего встали как вкопанные? Чего глаза вытаращила? Выходите, давайте! Мы закрываемся!

– Может, вам помочь? – Лариса кивнула на капаящую с раненой руки кровь. – Давайте я перевяжу.

– Иди отсюда! И без тебя справлюсь! – в ответ только прошипела тетка, почему-то решившая выместить свою обиду и злость на ни в чем не повинную Ларису.

– Почему вы маме хамите?! – не выдержала Алька, вскинув голову. Она хоть и была упрямой, балованной и немного взбалмошной, но вот чувства справедливости у нее было не отнять. – Как вам не стыдно?

– Аля...

– Ты мне еще поговори, сопля малолетняя, – отмахнулась на нее билетерша. – Проваливайте, говорю...

Лариса покосилась на грубиянку и тихонько шепнула дочке: «Пойдем!». Только выйти им не удалось – практически возле самой двери торчал тот самый офицер с окровавленным лицом и страшными бельмами вместо глаз. Лара, не успев и открыть дверь, тут же ее захлопнула.

– Ну чего ты там мнешься?! – прикрикнула на нее тетка, успевшая вновь шмыгнуть в свою конурку и теперь ищущая глазами, чем бы перевязать рану.

– Там он стоит... – негромко ответила Лариса и, вдохнув побольше воздуха, решительно добавила. – Мы никуда не пойдем, пока он там!

– Зашибись! Валите давайте отсюда! Сказала же – мы закрываемся!

Но Лариса решила твердо стоять на своем. В конце концов, от этого зависит здоровье ее дочери.

– Нет.

– Мам, что теперь делать?

– погоди, Аль... Дай подумать.

Но билетерша никак не унималась, выливая на неожиданных посетителей все новые потоки брани, поэтому Ларисе пришлось на нее прикрикнуть:

– У вас совесть вообще есть? У меня ребенок, а вы выгоняете нас на улицу, когда там этот стоит. Это же он на вас напал? – выдвинула предположение Лара и, заметив согласный кивок, продолжила, аккуратно подбирая слова. – Так что мне делать? Он уже и на нас кидался... Нам только чудом удалось вырваться.

Но тетка проявляла чудеса непробиваемости, словно была упакована в какой-то металлический панцирь, заменяющий ей кожу и напрочь защищающий спрятанную где-то глубоко внутри совесть.

– А я здесь при чем? Нарожают ради пособий, а потом трясут своими детьми перед носом, будто им все должны... Вот мы в свое время...

– Да как у вас язык поворачивается такое говорить?! – вновь не выдержала Лара, чувствуя, как у нее от злости начинает дергаться глаз. – У вас совсем совести нет? Язык бы попридержали при ребенке-то...

– А ты меня не учи! Я и так ученая! Орет она еще тут на меня. За соплячкой своей смотри лучше, а не на меня хайло открывай! Ладно, – так же внезапно сменила гнев на милость тетка, скривившись при этом так, словно три килограмма лимонов махом съела. – Помоги мне с рукой. Этот мудила цапнул меня...

Лариса с облегчением выдохнула и легонько толкнула дочку к единственной табуретке не понятно для чего стоящей возле стены – вряд ли кому-то из посетителей придет в голову дожидаться своей очереди сидя на ней.

– Присядь пока.

– Мам, долго нам здесь сидеть? Здесь воняет же...

– Пожалуйста, ну хоть ты мне мозг не делай...

– Долго ты там копать будешь? – прикрикнула тетка, ожидая причитавшуюся ей помощь.

– Да иду уже! – Крикнула в ответ Лара и обратилась уже к дочке. – Дай мне рюкзак или аптечку просто достань, там бинт должен быть.

Алька, плюхнувшись пышной попой на табуретку зарылась в рюкзак и буквально сразу же нащупала аптечку, которую тут же раскрыла и протянула матери упаковку бинта.

– Почему мы ей должны помогать? – недовольно зашептала девчонка. – Она нас выгнать хотела...

– Аль, ну она же ранена. А плохой человек или хороший это не нам решать. Если мы можем помочь человеку, то обязаны это сделать – это элементарная человечность. Не бросать же ее кровью истекать. И перекинь там еще поищи.

– Ну не знаю... – пожала плечами девочка. Для нее мир был намного проще, чем говорила мать. Были те, кто к ней хорошо относился: хвалил на уроках, не задирали, не обижали... к ним и сама Алька хорошо относилась и всячески была готова помочь – принести ли мел или дать списать домашнее задание. А были и другие. Так вот тем, другим она бы в жизни не помогла.

Лариса, взяв бинт и бутылочку с перекисью водорода, направилась к тетке. Раненную руку пришлось долго промывать под водой (благо раковины и проточная вода имелись в наличии), затем заливать перекисью и туго перевязывать. Вместо благодарности тетка то и дело материлась, ссылаясь то на то, что рану щиплет, то на то, что повязка очень тугая, но Лариса пропускала все ее слова мимо ушей. Благо, за время работы на рынке она выработала в себе перманентный пофигизм к словам других. И только очень редкие личности могли ее раскатать на проявление ответных эмоций. Как оказалось, именно к такой категории билетерша и относилась, но поняв это, Лариса старалась большинство несправедливых замечаний пропускать мимо ушей.

После всех процедур тетка снова удалилась в свою каморку, где и засела за чтение какого-то низкосортного женского романа в стиле «Его нефритовый стержень вошел в ее тайную пещеру». Ну или как-то так... Подобным чтивом Лариса перестала увлекаться еще лет пятнадцать назад в тот период жизни, что в простонародье называется «играй гормон», а вот некоторым взрослым людям подобная мутотень нравилась. Хотя давным-давно пора было переходить от теории к практике.

Алька сидела и игралась в какую-то игрушку на мобилке Ларисы, поэтому не очень надоела с нытьем или расспросами. А вот сама Лара не знала, куда себя приткнуть.

– Что ты там торчишь как мечта импотента? Зайди табуретку дам, притулишь свои телеса.

– Спасибо, – кивнула Лара, не понимая, о каких «телесах» говорила тетка. Ведь в Ларисе едва-едва набиралось пятьдесят два килограмма. И в отличие от самой тетки в ней не было и капли лишнего веса. Но начинать спор из-за такой ерунды порядком уставшая женщина не хотела. Ноги уже нещадно ныли, да и просто хотелось расслабиться. Хорошо хоть работа на рынке приучила женщину выбирать удобную обувь и одежду. Будь она сейчас на каблуках, ноги бы уже просто онемели от стояния.

Так прошло еще около часа. Лариса вся извелась, потому как вот так сидеть без дела для нее было хуже пытки. Алька все так же резалась в тетрис, установленный на телефоне, а тетка и вовсе заснула при прочтении столь увлекательного чтива, опустив голову на руки, все еще сжимающие книжонку с потертым переплетом. Несколько раз Лара выглядывала за дверь, но происходящее на улице не только не стало лучше, оно кардинально ухудшилось, да и дежуривший возле входа «офицер» в окровавленной форменной куртке никуда не уходил. Именно из-за него Лара уже пропустила несколько катеров, шедших на ту сторону бухты – их гудок, предупреждающий об отплытии, сложно было не услышать.

– Дай мне телефон! – протянула руку Лариса, ругая мысленно себя за то, что раньше об этом не додумалась. Конечно, привычки при первой же опасности звонить в милицию у нее не было – все ее контакты с «органами» ограничивались ежемесячной «данью» пэпээсникам. Вот и сейчас она только подумала о том, чтобы позвонить в милицию. Ну должны же они хоть что-нибудь сделать, коль тут не понятно что творится. Дозвониться удалось лишь на шестой раз, и когда Лара, окрыленная успехом, быстро-быстро затарахтела в трубку о своей проблеме, то дежурный не испытал никакого энтузиазма к озвученной информации, вызвав своим равнодушием шквал отрицательных эмоций в свой адрес, пообещал прислать наряд и просил дожждаться. На том и порешили. Ларисе мало верилось в то, что наряд прибудет через пять минут, хотя Ленинское РОВД было в пяти минутах езды от центра, поэтому она мысленно запаслась терпением и приготовилась ждать.

Ждать пришлось долго, наряд все не ехал, а повторно дозвониться до дежурного не получалось... А тут еще и Алька снова начала капризничать, словно трехлетний ребенок: теперь она проголодалась и чуть ли не ежеминутно напоминала об этом и так порядком уставшей Ларисе.

Тетка за стеклом так и не просыпалась. Даже странно как-то: как можно спать, когда за дверьми то и дело раздаются оголтелые крики?

– Вот черт! – выругалась Алька.

– Аль, я что тебе говорила по поводу ругательств? Ну сколько можно? – возмутилась Лариса и тут же применила просто «железный» аргумент, который в теории должен был возыметь действие на дочь. – Ты же девочка!

– Прости, мам. Просто телефон разрядился... – надулась дочка, теребя в руках бесполезный теперь телефон.

– Ну молодец... Я же теперь ни позвонить не смогу, ни время посмотреть, – нахмурилась Лара, не обращая никакого внимания на то, что Алька долго и пристально смотрит на билетершу за стеклом. – И тетя Света к нам не дозвонится теперь.

– Мам, а разве люди не должны дышать?

– А? Что? – не поняла сразу Лариса, оторвавшись от бесплодных попыток включить севшую трубку в надежде, что осталось хотя бы немного заряда в аккумуляторе.

Алька привстала со стула, вытянув по-гусиному шею и заглядывая в окошко и рассматривая сидящую за ним тетку.

– Ну люди же должны дышать.

– Ну да...

– А эта не дышит... – кивнула Алька в окошко.

– С чего ты взяла? – испугалась Лариса и тоже решила взглянуть туда же.

И вправду, что-то не было заметных признаков дыхания. Но Лариса не совсем была уверена в увиденном, поэтому, зайдя в каморку, попыталась потрепать тетку по плечу. Та никак не реагировала, все так же полулежа на руках. И тогда Лара решилась прощупать пульс. Как там обычно в сериалах показывали? Чуть пониже уха? Но то ли в сериалах нагло обманывали, то ли мастерства у Лары не хватало, но пульс прощупываться не желал. Лариса начала уже паниковать, когда билетерша зашевелилась...

– Фух! Ну вы меня и напугали. – Выдохнула с облегчением Лара и отступила на шаг назад, чтобы не напугать взбалмошную тетку и не вызвать с ее стороны новый поток ругательств. – Я уж было подумала, что...

Да вот только вид у тетки был такой, что ею самой можно было пугать. От лежания на правой стороне лица обозначилось несколько красных пятен, а глаза... глаза и вовсе стали какими-то неестественно блеклыми. Совсем как... Лариса и сама не знала, что заставило ее отступить еще на несколько шагов, оперевшись в дверь, когда тетка-билетерша начала медленно и с какой-то долей неестественности подниматься, уставившись на нее немигающим и страшным взглядом и при этом издавая какой-то сиплый звук.

– Эй, вы как? – Лара попыталась достучаться до сознания тетки, но та, казалось, ее вовсе не слышала.

А эти глаза... Совсем как у того офицера окровавленного и у того, что возле ее машины терся, пугая дочку.

Почему-то именно мысль об офицере заставила Ларису быстро юркнуть за дверь, выскочив обратно в «предбанник».

– Алька, надо бы нам сматываться...

– А как же те? – задала резонный вопрос дочка. Когда хотела, она могла быть вполне проницательной.

Лариса снова высунула нос за дверь и с радостью обнаружила отсутствие дежурившего под дверью. Может, надоело ему стоять тут как соляной столб, да свалил куда?

– Алька, давай... Пойдем. Шевели булками.

– Ну ма-а-ам!

– Шагай, давай...

Лариса с девочкой быстро пересекла небольшое пространство между двумя постройками и, шустро перебирая ногами, спускалась вместе с дочкой к катеру, который как раз причалил

к пирсу. В салоне, что вполне себе просматривался с этой точки, даже не смотря на мутноватые и не совсем чистые стекла, происходило что-то непонятное: не успели матросы привязать посудину, как из салона просто хлынул людской поток, готовый смести все на своем пути. А тут еще и кассирша с переброшенной через шею сумкой с билетиками и деньгами пошатнулась и начала заваливаться, даже не пытаясь ухватиться перебинтованными руками за ограждение. Лариса не знала, что делать: с одной стороны прущая напролом человеческая толпа, с другой нервно сжимающая руку Алька, а с третьей, вроде как, и человеку помочь нужно.

– Позвоните в скорую! – попыталась тормознуть первого попавшегося пробегающего мимо мужчину Лариса, но тот только отмахнулся и еще быстрее взлетел вверх по лестнице, словно за ним стая чертей гналась.

– Скорую вызовите! – Кричала Лара, но никто не хотел ее слышать, не то чтобы останавливаться.

Женщина металась как загнанная от одного к другому, рискуя быть снесенной толпой, когда в проеме ворот, отделяющих причал от площадки ожидания пассажиров, показались первые дергающиеся фигуры, большинство из которых были почему-то перемазаны в крови, да и вообще вызывали какие-то неопределенные впечатления.

Лариса дернула Альку за руку и потащила ее вверх по лестнице, боясь, что ту толпа просто затопчет.

Но к несчастью, наверху тоже завязалась какая-то потасовка, и выход на площадь был практически перекрыт. Да и особого смысла соваться туда тоже не было: все движение на дороге встало намертво, поэтому перспектив добраться домой на маршрутке попросту не было. А пешком проделать такой путь было очень опасно: обстановка с каждым часом на улице становилась все хуже и хуже... Лариса уже сто раз пожалела, что потеряла столько времени сначала сидением в машине, а потом долгим ожиданием в общественном туалете.

Женщина ошалело закрутила головой, пытаясь найти выход в сложившейся ситуации: по лестнице странно ковыляя, поднимались окровавленные люди, слева путь был перекрыт, поэтому оставалось бежать только направо, но и это была тупиковая ветка: с той стороны располагались только несколько магазинчиков, бар и второй причал, уже заброшенный из-за аварийного состояния. Этот причал все собирались отремонтировать, но до этого руки никак не доходили то ли из-за кривизны этих самых рук, то ли из-за постоянного распила денег, выделяемого на его ремонт.

Лариса металась из стороны в сторону, поглядывая через спину на лестницу и с ужасом отмечая, что расстояние между ней и «психами» медленно, но уменьшается. И от этого она чувствовала себя загнанной в угол. Но тут в голову как раз вовремя пришла идея: женщина вспомнила про диспетчерскую портофлота, где наверняка есть стационарный телефон, и откуда можно позвонить и в «скорую помощь» и в милицию. Да и бежать больше было просто некуда, не было другого выхода. Поэтому, увернувшись от ближайшего «психа», преодолевшего лестничный пролет, она со всех ног рванула, таща за собой Альку, чье сопение так отчетливо раздавалось сзади, в сторону двери здания, возвышающегося за ее спиной.

8 АПРЕЛЯ 9.00. Гарнизон близ бухты Казачья. Виктор Никитин

Светлый солнечный день. Даже слишком солнечный – яркий свет так и резал глаза, отчего на них непроизвольно выступали слезы, и вся картинка становилась какой-то размытой и нечеткой, словно ее неумелый художник размазал своей кистью. Виктор старался вытереть слезы, но на глазах словно застыла пелена – мутная, беловатая, мешающая разглядеть все, что было вокруг... Мужчина даже запаниковал на какой-то момент, но все же картинка, в конце концов, стала четче. Перед ним стояла его жена Алёна и улыбалась. Просто улыбалась – светлой, милой и такой родной улыбкой, от которой у Виктора со времен их знакомства просто сносило голову.

– Ты чего застыл, родной? – вздернула брови Алёна, внимательно всматриваясь в лицо мужа.

– Да я... – не знал, что ответить Виктор, не понимая, как такое может быть.

– Ты чего? – Алёна дотронулась до его лба, словно проверяла на наличие температуры.

– Ты жива?! – ошарашенно спросил он.

– А как же? – вновь усмехнулась жена. – Странный ты какой-то... Ой, мне к Артёмке нужно.

Жена взмахнула руками и резко развернулась, отчего ее волосы, связанные в хвост, едва не полоснул застывшего Виктора по носу.

– Лён, постой-постой! – вдруг ожил он, схватив жену за плечо, сам удивившись тому, что кожа на ощупь мягкая и теплая. – Но как? Я же сам... я сам все видел. Ты, Артёмка... вы были мертвы. Оба.

– Что за ерунда?! Вить, – рассердилась жена, даже притопнула ногой с досады. – ну хватит уже нести эту чушь! Ты вообще какой-то странный, не находишь? Смотришь на меня, как на инопланетянина, глупости какие-то говоришь. У тебя скоро от твоей работы крыша поедет. Может, возьмешь отпуск?

– Лён, послушай... – попытался было объяснить свое поведение Виктор, но в соседней комнате заплакал ребенок.

Только сейчас Виктор понял, что находится в своей квартире. Он удивленно осматривался, узнавая привычные предметы домашнего обихода, заодно пытаясь понять, как он здесь очутился, но требовательный плач, разносившийся из соседней комнаты, заставил его вздрогнуть. Плакал ребенок... Ребенок? Его ребенок? Но...

Виктор замотал головой, пытаясь упорядочить мысли, и непроизвольно глянул в зеркальную дверцу шкафа-купе, занимающего всю противоположную двери стену. Этот шкаф они с Алёной заказали буквально за несколько недель до рождения малыша, подчистую опустошив кредитную карточку, и загнав себя в кабалу на целый год.

– Чертовщина какая-то... – вновь пробормотал он, только сейчас заметив, что все еще держит жену за плечо.

– Дапусти меня! Артём плачет! Ты чего? – Алёна уже не смеялась – дернулась резко и, вырвавшись, бросилась в соседнюю комнату, откуда через секунду уже раздавалось негромкое «не плачь, мой хорошенький, не плачь мой маленький».

Виктор же стоял как вкопанный посреди небольшой комнаты, заморожено вглядываясь в собственное отражение, и не узнавая себя. На него смотрели уставшие глаза на осунувшемся сероватом лице, отросшие темные волосы давно требовали похода к парикмахеру, без какого-либо следа шрама у правого виска; на плечах была старенькая потертая на сгибах кожаная

куртка, постоянно расстегнутая, чтобы в случае чего легко было вынуть пистолет, а на ногах – тяжелые ботинки с заправленными в них черными джинсами, что в сочетании с камуфлированной пятнистой футболкой составляло какой-то развиздьяйский образ. Виктор привычно потянулся к левой подмышке, но там все было в порядке – кобура вместе со своим содержимым была на своем привычном месте, почему-то от этого даже стало как-то легче, спокойнее... Хотя из-за чего ему нервничать? Все просто отлично, все просто замечательно. Рядом Алёнка с сынишкой, возится там с ним, агукает ему там что-то на птичьем языке, он дома, светит солнце, прекрасная погода... Да и вообще жизнь идет своим чередом. Разве что...

Виктор подошел к окну, и вновь яркий свет заставил его зажмуриться – словно прожектором светили прямоком в глаза. Хотя казалось бы – куда уж ярче?! На улице все было так, как и обычно – по узким дворам то и дело проносились авто, где-то пробегали ребятишки... а вон и родное отделение милиции, чуть ли не у подножья высотки, где они жили с Алёной. Что это? Никитин попытался присмотреться, что же там маячило под деревьями. Но как он не напрягал зрение, картинка никак не хотела фокусироваться.

Все завершилось как-то резко. Откуда-то раздались автоматные очереди – их Виктор распознал сразу, сразу же, словно по команде, завывли сирены скорой помощи, закричали люди, а из всех возможных щелей повалили они... Виктор даже отсюда почувствовал тот гниловатый запах, вперемишку с химическим запахом растворителя, что исходил от орд мертвяков, вмиг заполонивших улицы. И где они только прятались?

Что теперь? Куда бежать? Отстреливаться? Но у него слишком мало патронов! Нужно туда, на работу, где все его парни, где есть оружие и крепкий забор...

– Алёна! Лён! – громко позвал он жену, но та не откликнулась.

Виктор резко дернул штору, пытаясь закрыть окно, словно это могло отгородить его от того ужаса, что происходил внизу, спасти его семью, но вместо этого пластиковые крючки, на которых эта штора держалась лишь полопались, и тяжелое полотнище наполовину обвисло с гардины. Никитин не обратил на это никакого внимания – да, жене это не понравится, но это не смертельно, в отличие от того, что происходило там внизу.

– Алёна, собирай вещи. Нам надо уходить! – вновь крикнул Виктор и застыл, немигающим взглядом глядя на то, как из детской комнаты покачивающейся неуверенной походкой вышла жена. Вернее то, что раньше было его женой. Изменившаяся с невероятной скоростью мертвенно бледная кожа со следами разложения, поблеклые взлохмаченные волосы, осунувшиеся черты лица и рот, замызганный стекающей по подбородку и шее кровью. Она еще что-то жевала, медленно приближаясь к оторопевшему Виктору и глядя на него своими белесыми бельмами.

– Лён... – застонал мужчина, чувствуя, как в груди словно разорвалась вакуумная бомба и пожирает все, затягивая куда-то в неизвестность. – Лён... ну почему?

Мертвячка не отвечала, только медленно приближалась, раскачиваясь на ходу как маятник и протягивая к Виктору свои скрюченные и измазанные алым пальцы. Чья это была кровь даже думать не хотелось – Виктор и так это понял. Вариантов для выбора было не много. Грудь так сжало, что даже вдох сделать было сложно.

– Лён, не подходи, – Виктор выставил перед собой в защитном жесте левую руку и инстинктивно сделал шаг назад, но мертвячка не обращала на это никакого внимания. Ее глаза смотрели на Виктора со смесью голода и ненависти, словно пожирая его глазами. Теперь Никитин понял смысл этой фразы. Слишком буквальный смысл.

Еще шаг назад. Едва не споткнулся о кресло, но вовремя сориентировался.

– Лён, я буду стрелять... не подходи, – не понимая зачем он это говорит, Виктор, выхватил из кобуры свой родной ПМ, щелкнув предохранителем. Этот щелчок словно дал отмашку зомби на атаку. Заскулив, оно бросилось на мужчину, расщепив рот в жуткой ухмылке... Виктор не выстрелил, не смог. Только оттолкнул со всей силы то, что раньше было его женой.

Тело с легкостью отлетело и впечаталось прямым в то самое зеркало, куда еще совсем недавно вглядывался Виктор. Раздался звон разбившегося стекла, и осколки осыпались на пол блестящим водопадом. Виктор непроизвольно глянул в разбившееся зеркало, увидев там сотни своих отражений.

«Не к добру...» – пронеслось у него в голове, но времени размышлять не было – мертвяк опять поднимался, чтобы вновь наброситься на мужчину, а Виктор не мог стрелять. Хотя и выхватил пистолет, а нажать на спусковой крючок было выше его сил.

Мертвячка вновь поднялась, не обращая внимания на многочисленные порезы спины, головы и даже лица, и вновь направилась к своей цели. Виктор суетно пытался понять, как ему выбраться из комнаты, в обход зомби, но это было невозможно... Она была слишком близко, уже ее руки были буквально в нескольких сантиметрах от его лица, еще совсем недавно теплая и мягкая кожа превратилась в нечто серое и обвисшее, лучистые глаза теперь излучали потоки ненависти и ужаса... Виктор устал. Он так устал бороться, что принял, как ему казалось единственно верное решение – навсегда остаться с семьей. В любом обличье, в любом состоянии. Он отбросил ненужный пистолет и шагнул навстречу, чувствуя, как из внешнего уголка глаза скользнула слеза, защекотавшая щеку.

Расщеренная пасть приблизилась и жуткая боль взрывом пронеслась по всему телу, ознаменовав окончание одной жизни и начало другой... Наверное, это чувствует человек, когда его душа покидает тело – какую-то тоску вперемешку с надеждой. Только на что надеяться-то?...

Виктора что-то тряхнуло, словно выдергивая из небытия и приводя в чувство.

– Да очнитесь же вы! – вновь жгучий удар по щеке... Раскрыв глаза, Виктор с удивлением обнаружил себя не в своей квартире, а в чужом доме, лежащим на диване, а вместо осунувшегося страшного лица его жены, над ним склонилось знакомое лицо молодой девушки-медсестры, с тревогой глядящее на него сверху вниз.

– Что... случилось? – Никитин поднялся, пытаясь понять, что это было и где он находится, но голова была как чугунная, а в ушах и вовсе стоял звон. Он инстинктивно дотронулся до виска и ощутил что-то липкое на пальцах, а после, увидев на них кровь, даже спокойно выдохнул.

– Вы кричали во сне, вот и пришлось вас разбудить... – подавленно ответила Аня и опустила глаза. Она почему-то всегда робела в присутствии капитана милиции, что не могло не бросаться в глаза. – Вам опять кошмар снился?

– Кошмар? – вдруг все понял Виктор. – Да, кошмар... снился. Да.

«Так значит, это все неправда и Алёна...»

Виктор опустил голову на руки, потер переносицу и глаза, пытаясь успокоиться. Сон... Но он был такой реальный, такой настоящий... Ведь он даже сейчас чувствует тепло ее кожи... Нет, это какое-то наваждение, игра буйного воображения или вообще последствия полученной при попытке самоубийства травмы. Еще бы! Кто запросто, без последствий для психики переживет смерть новорожденного ребенка и последующего самоубийства жены? Нет, Виктор не был слабаком, но и его силам тоже настал предел. Тогда... Он попытался убить себя, но подоспевшие друзья-сослуживцы умудрились этому помешать, ударив по пистолету и изменив этим траекторию движения пули. Виктор выжил, но некоторое время он был сам не в себе. Медсестра из районной поликлиники, которую он и патрульный спасли, присматривала за ним, стараясь не оставлять его в этой беде. Может быть, именно она и вытянула его, помогла его сознанию вернуть ясность ума. Но, как видно, прошлое не отпускало, приходя в подобных снах... в кошмарах. Хотя что там кошмаров бояться, когда выберись за периметр, в город – и кошмар сам предстанет наяву.

Но военный городок, на территории которого сам по себе образовался анклав выживших, укрепляли монументально, добротно и с умом. Уж это то не прошло незамеченным – все же тот особняк, что заняли милиционеры во главе с полковником Смирновым, был почти у самого

края, буквально в сотне метров от возведенного КПП с пулеметной точкой, заменившей вкопавшийся чуть ли не по самую фару БТР.

Дом был большой, трехэтажный, с кучей разнообразных построек дополнительного назначения, таких как летняя кухня, гостевые номера и сауна с небольшим бассейном. Запасливый и далеко не бедный бывший хозяин даже скважину пробурил, так что с водоснабжением проблем не было. А электричество добывалось при помощи установленных чуть дальше на мысе Херсонес ветряков – завод по их изготовлению так кстати был раздерибанен еще несколько недель назад. Конечно, электрифицировать весь гарнизон сразу не удалось. В первые дни, после того, как город погрузился во тьму, электричество было только на территории части Отдельной бригады морской пехоты – она была словно островок в темном океане. И то только благодаря тому, что там имелась дизельная электростанция. В солдатских казармах, наспех переделанных под общежития, благодаря гарнизонной котельной подавали тепло, а вот жители частного сектора, которым выделили дома под заселение при условии зачистки территории, обходились своими силами – район был престижный и чуть ли не каждый второй дом был оборудован каминами. Так что мерзнуть особо не приходилось.

Весь костяк этого анклава, как практически и везде, где выжили люди, основывался на военных, но и другие силовики были при деле. Та же команда Смирнова была переманена из здания Гагаринского РОВД, где держала оборону в первые дни начала Беды и куда свозила тех выживших, кого удалось спасти.

Место нового поселения было лучше не придумаешь. Конечно, в реалиях города и нынешней ситуации: выступающий в Черное море полуостров с мысом Херсонес на острие попросту отгородили от остального мира сначала сеткой с колючей проволокой, а затем и принялись строить более существенное укрепление – все же зомби-мутанты то и дело пытались разжиться свежей человечинкой, чтобы продолжить свой процесс видоизменения. А вот до какой стадии эти процессы могут затянуться, не знал никто. Слишком уж опасными были эти преобразившиеся мертвяки.

Поселившиеся на территории анклава ученые из Института биологии южных морей, изучающие в свое время подводную живность, быстро переквалифицировались и стали с удвоенным рвением изучать новые виды неживности. Они даже предлагали откормить зомби и проследить, до каких пор он мутирует, конечен ли или бесконечен сей процесс. Но командование, представив, какую угрозу может принести мутировавший мертвяк в анклав, напрочь отвергло это предложение, приказав тренироваться на кошках и пригрозив, ежели ученые попытаются что-то такое отчебучить, то метаморфозы зомбаков они будут наблюдать из желудка тех самих зомбаков. А вот рекомендуемые начальством животные по необъяснимым причинам не то что не видоизменялись, они даже не заражались после укусов, и не воскрешали после смерти... Пока ученые ничего не могли объяснить, но уже кое-какие наработки у них имелись. Некоторые «горячие головы» из яйцеголовой братии предлагали совершить рейд к городскому дельфинарию, чтобы проверить, обернулись ли тамошние обитатели – дельфины и афалина, потому как более двух недель без корма вряд ли бы они протянули, но опять командование дало отбой – соваться в центр было слишком опасно... Зато обещало подумать над тем, чтобы попытаться добраться до дельфинария морем – все же встретить зомби посреди морской глади – это шанс на миллион.

– Виктор Иванович, вы пришли в себя? Все нормально? – Аня вновь встревожено глядела на Виктора, так и сидевшего с опущенной головой.

– А? Что? Да!

– У вас кровь...

– Что? – не сразу понял Виктор, о чем идет речь.

– Рана... – Аня неуверенно кивнула. – Нужно обработать и лучше стянуть края пластырем. Все же она еще не достаточно затянулась.

Получив принципиальное согласие, девушка быстро пробежала на кухню, отделяемую от гостиной нешироким простенком, нашла там аптечку, и вернулась с пластырем, перекисью и ватными дисками.

– Может немного щипать, – предупредила она, аккуратно смачивая рану зажатым в пальцах диском.

– Анна Михайловна, смелее. – Подбодрил немного ее Виктор. – Я не боюсь боли.

– Ну вот и все, – аккуратно приклеила пластырь Аня, испытывая явное неудобство от столь близкого контакта.

– Спасибо! – Никитин резко поднялся, едва не задев девушку, и суетливо похлопал себя по левой подмышке, ища там кобуру, которой, естественно там не оказалось. – Пистолет? Где мой пистолет?

– Виктор Иванович, мы его забрали... ну тогда, – Аня не знала, какие слова лучше подобрать, переминая пальцами упаковку от пластыря. Вообще, она бы предпочла не вспоминать о том дне и не упоминать его, но порой прямые вопросы требуют прямых же ответов.

– Мне нужен пистолет, – упрямо повторил Виктор. – Анна Михайловна, вы можете мне?

– Я? – испугалась девушка безумного блеска в глазах мужчины. – Но у меня нет... Вернее, есть... Но я как медработник обязана быть с оружием, и вам лучше обратиться к товарищу полковнику.

– Ага. Хорошо. Мне нужно побриться... – провел ладонью по изрядно заросшему подбородку Виктор. – Мои вещи...

– Они все на месте. Только все сложено в сумки, все в подвале. Зинаида Максимовна занялась обустройством вашей комнаты в одном из гостевых номеров, так что вам не придется больше ночевать в гостиной на диване.

– Хорошо. Спасибо. – Виктор кивнул и присмотрелся к девушке. – Анна Михайловна, что с вами?

– Мне страшно... – тихонько призналась она.

– Почему? Чего вы боитесь?

– Вас. Вы изменились, стали другим.

– Весь мир стал другим в целом, и я в частности. И не бойтесь меня. Я ничего плохого не сделаю... – пообещал Виктор, отвернувшись. И тихо добавил, – вам.

10.00. Площадь Нахимова, г. Севастополь. Андрей Доронин

В центре, на удивление, было тихо... Даже слишком.

Не просто тихо, а непривычно, безжизненно как в вакууме, словно все привычные звуки вмиг куда-то делись. Хотя если учесть отсутствие шума от автомашин и городского транспорта в центре умершего города, то все становилось на свои места. И как самого себя было заставить не обращать внимания и не злиться на то и дело пробегающую по телу странную дрожь, Андрей не знал.

Хотелось поскорее покинуть это место, пока паранойя окончательно не завладела ним. Доронин покрепче сжал зубы, желая избавиться от этого липкого чувства страха, и обернулся, чтобы глянуть на идущих за ним парней. Сержант Максим Антонов с Иваном Корниенко по кличке Шамиль, которая ему досталась из-за специфической внешности, характерной больше для южных народов, расположились по правую руку и так же настороженно крутили головами, словно вот-вот ожидая нападения. Хотя все пространство площади отлично просматривалось, и неожиданно напасть на группу было бы очень сложно. Разве что с крыши колоннады какой морф прыгнет...

Андрей вздрогнул от собственных мыслей и на всякий случай оглянулся назад и вверх, проверяя, не засел ли какой мутант на крыше известной на все постсоветское пространство колоннады Графской пристани. Но та, к счастью, была пустой и все так же белоснежно-белой на фоне стремительно темнеющего неба, свод которого затягивали тяжелые дождевые тучи, грозящие вот-вот разразиться бурей.

Невысокий плотный парень с сержантскими лычками на черной «титановке» с белой надписью на спине «Міліція», от которой он и вовсе становился похож на колобка, ибо «титановка» была весьма и весьма плотной, всеми именуемый Гошей застыл в эмпирическом созерцании съезда к причалам морпорта. Шлагбаум, ранее перекрывавший этот съезд, был нещадно выломан и валялся практически возле спуска к бару «Риф». Видать, кто-то на хорошей скорости выбил его, раз эта штуковина пролетела такое расстояние.

– Ну чего ты там рассматриваешь? – негромко поинтересовался рядом нетерпеливо перетаптывающийся сержант Ежов с позывным Ёж. Худощавый, высокий, он был полной противоположностью по внешности с Гошей, что в миру именовался Егором Сергеевым.

– Да, ничего... – отмахнулся Гоша и оглянулся на причал, где был пришвартован трофейный катер, который они несколько дней назад отбуксировали с середины бухты, где тот застрял еще с начала всей этой катавасии. К счастью, среди нашедших себе укрытие в бывшем Университете в районе Севастополя с заграничным названием Голландия, оказался матрос одного из пассажирских катеров, которому и удалось не только завести брошенную на произвол судьбы посудину, но и отогнать ее к причалу. Теперь вот этот найденыш очень даже пригодился – чтобы попасть в самый центр города, не нужно было делать крюк вокруг всей бухты и прорываться через заставленные брошенной техникой улицы, рискуя нарваться на толпы живых мертвецов. А так пересек бухту, лениво поплеывая с палубы, не боясь внезапно выскочившего мертвяка – и уже в центре...

Пришвартованный катер равномерно покачивался на усиливающихся с каждой минутой волнах. Молю у входа в главную бухту хоть и сдерживали волны, но той болтанки, что творилась на море, хватало, чтобы Гоше поплохело за время пересечения бухты. «Слава Богу, что я на флот служить не пошел,» – пронеслось тогда у Егора при воспоминаниях о пережитых минутах.

Ёж, заметив взгляд напарника, только хмыкнул и хлопнул того по плечу.
– Пойдем! Командир уже выдвинулся.

Андрей медленно шел поперек площади, стараясь не упустить ни одной детали, даже самой мелочной на первый взгляд. Его парни, в составе пятнадцати человек, половина из которых состояла на службе в спецкоммандатуре при исследовательском реакторе ИР-100 и были профессионалами своего дела, другая же половина была из так называемых вольнонаемных, которые выявили желание вступить в ряды вооруженных сил неожиданно возникшего гарнизона. И если у кого-нибудь из «молодых» сейчас и были спазмы в районе ягодиц, то они старались ни коим образом этого не демонстрировать. В противном случае, командир, не моргнув глазом, изменил бы свое решение о зачислении их в ряды огневой поддержки и отправил бы в распоряжение Сенчукова, местного «Кулибина», который был в состоянии из газового ключа и нескольких дощечек андронный коллайдер смастерить.

Очередной раз услышав ржавый скрежет, Андрей поднял голову, вглядываясь в нависшее над головой небо. Вместо привычных серокрылых крикливых чаек, столь распространенных во всех приморских городах, над главной площадью города эхом проносилось хриплое карканье воронья, что заняло практически все верхушки растущих возле аллеи городов-героев и адмиралтейства гигантских платанов с гладкими, словно отполированными стволами. Их карканье, эхом разносившееся по безлюдной площади и отражающееся от стен здания городской администрации, навевало еще большую тоску и напоминало обо всех случившихся переменах.

Чуть дальше и правее застыли две брошенные разбитые машины, протаранившие изгородь, отделяющую дорогу от тротуара, и влетевших практически на лестницу у доски почета, что располагалась возле входа на площадь Нахимова, и так и застывшие обезображенной грудой обгоревшего металлолома, покрывшегося черной гарью от возникшего при ударе пожара. Фотографии достойнейших граждан города, красовавшиеся на Доске почета, так же были все в пятнах копоти и разглядеть их лица теперь было сложной задачей. Да и кому сейчас придет в голову рассматривать фотографии этих людей, которых-то и в живых, скорее всего, уже и нет? Внутри обуглившегося остова на водительском кресле как дополнительная иллюстрация ко всему происходящему застыло полностью обгоревшее тело, больше похожее на ископаемую мумию. Только общие очертания тела указывало на то, что это некогда было живым человеком... Черные обгоревшие до костей руки, согнутые в локтях, словно и сейчас сжимали невидимый руль, черт лица уже было не разглядеть – просто какая-то застывшая маска с открытым в немом и вечном крике ртом. Картина настолько была пугающей, что даже в нос капитана ударил призрачный запах паленой плоти. Но он прекрасно понимал, что это всего лишь фантомное восприятие, возбужденное разыгравшимся воображением, ибо через столько времени запах попросту не мог сохраниться на открытом воздухе. И все, что он сейчас почувствовал, это всего лишь игра его воображения. Еще Андрей отметил, что, скорее всего, при аварии был поврежден мозг. Другого объяснения, почему этот мертвец не восстал, попросту не было. Ну да и хвала Всевышнему! Хоть одна душа мирно почил и не получила другого пугающего воплощения в безумевшем мире живых.

Уставившись как замороженный на останки и размышляя, почему именно в таком положении застыли руки, Андрей и не заметил, как прошел практически больше половины площади, и только тогда перевел взгляд от обуглившегося тела и осмотрел центр некогда спокойного приморского города.

Центральное городское кольцо⁶ было практически таким же, каким он запомнил его при своем последнем посещении этого района, когда навещал своего бывшего сослуживца по пограничным войскам Костика Матвеева. Только количество автомобилей, застывших в вечной пробке, намного увеличилось. Они, брошенные своими хозяевами, так и остались стоять

⁶ Городское кольцо – Ул. Ленина, ул. Большая Морская и проспект Нахимова, образующие центральное городское кольцо

с распахнутыми дверками (насколько это позволяло расстояние между потоками), некоторые из них были с разбитыми стеклами и засохшими бурными разводами на корпусе, которые не смыли даже прошедшие дожди. Хотя такой картиной уже мало кого можно было удивить. Чуть дальше, практически не доезжая до остановки развернутый от удара огромного черного джипа, застыл троллейбус с поникшими антеннами-рогами. Наверное, из-за него-то и образовалась вся эта пробка на неширокой улице центрального городского кольца.

Что здесь творилось, когда люди пытались спастись, можно было только представить! Ведь через центр всегда проходило множество людей, движущихся как с Северной стороны в Центр, так и наоборот, плюс офисные работники делового центра города, школьники первой гимназии, а так же штабные работники черноморского флота России. Но сейчас, как ни странно, ни одной неживой души не было на площади, как, в прочем, и в ее окрестностях.

Доронин даже непривычно себя почувствовал на этом пустынном пространстве с единственной человеческой фигурой, вылитой из бронзы и покрытой толстым слоем краски. Навечно замерший с гордо выпрямленной спиной адмирал Павел Степанович Нахимов, по-офицерски заложив левую руку за спину, вопрошающе, чуть наклонив вниз голову, разглядывал разверзнувшееся у его ног безобразие. Российский флотоводец, разбивший турецкий флот в Синопской бухте, герой Первой обороны Севастополя, кавалер ордена Святого Георгия второй степени, чьим именем увековечена главная площадь города, за который адмирал сражался и в котором погиб, глядел с немим укором, едва читавшемся в вылитом скульптором суровом лице, крепко сжимая подозрную трубу в правой руке.

Андрей Доронин поймал себя на мысли, что никогда вот так пристально не разглядывал знаменитого адмирала. Вернее, его памятник.... Как-то всегда было не до того. Да и на самой площади он появлялся редко. Чаще всего просто проезжая мимо по одноименному проспекту, поэтому и не было времени всматриваться в памятник и постамент, ведь это грозило аварией и долгими разборками с ГАИшниками. Да и те, кто минимум два раза в день пересекал площадь с одного конца на другой, совершая ежедневное турне под названием «Дом-Работа-Дом», тоже не утруждали себя созерцаниями одного из символов города. Всегда как-то было не до того... «Да и куда он денется, этот памятник?» Наверняка, большинство так и думало, а теперь... Теперь тоже вряд ли кто-то будет любоваться офицерской выправкой Павла Степановича. Впрочем, некому, а, во-вторых, некогда...

Поэтому сейчас, чувствуя какое-то странное нахлынувшее на него чувство, Андрей буквально пожирал глазами бронзовую фигуру, стараясь навсегда запечатлеть ее в своей памяти, вместе со всеми казалось бы незначительными деталями. Ведь память о днях минувших, помимо самой жизни – это единственное, что сейчас они могут сохранить для следующих поколений. Глаза капитана скользили по отполированному гранитному постаменту с тремя бронзовыми барельефами, повествующими о самых значимых моментах жизни адмирала Нахимова, по четырем якорям, установленных у подножия памятника, по голубым елям, растущим в палисаднике вокруг памятника. Вопрос как долго удастся здесь стоять постаменту знаменитого адмирала без реставрации и под воздействием разрушительной приморской среды не давал покоя.

Десять лет?

Двадцать?

А потом?

Забвение....

Андрей едва сдержал вздох и, покрепче сжав цевье, кивнул головой парням возвращаться обратно к колоннаде.

Формально гарнизон, разместившийся на территории университета, готовившего инженеров-ядерщиков, электриков и химиков, подчинялся командованию ВСУ⁷, вернее тем крохам, что от них остались, но фактически бойцы спецкоммандатуры по охране исследовательского ядерного реактора, ставшие ядром и основной ударной силой нового поселения, были обособленным и почти автономным подразделением. Почти...

Пока их задание, санкционированное командованием, разместившимся на территории завода шампанских вин «Золотая балка», что располагался в Балаклавской долине, было самым элементарным: предварительно разведать обстановку в центре города, к которому доступ извне был практически перекрыт образовавшейся гигантской пробкой. Именно степень загруженности улиц и возможность проезда к центру больших групп, а так же наличие мертвецов и должны были разведать люди Доронина с ним во главе. А так как только у них была возможность попасть в самый центр, минуя многокилометровые пробки и все сюрпризы, приготовленные ландшафтом города, то и подобное мероприятие выпало именно им.

Для чего именно отряду предстояло лезть в самое сердце зазомбированного города, командование доложить не удостоилось, только намекнуло на особую важность миссии. Ну да так всегда... Партия сказала «Надо», комсомол ответил «Есть»! Поэтому Андрею не оставалось ничего иного как в очередной раз напомнить о проблеме электрификации его гарнизона, в надежде, что его просьбы не будут проигнорированы, и взять под козырек.

– Командир! – подскочил к Андрею Ёж.

– Чего тебе?

Тот загадочно улыбнулся и поправил скрученную «балаклавку», не понятно как крепившуюся на самой его макушке, словно папский пилеолус⁸.

– А может мы совместим приятное с полезным?

– В смысле? – Андрей не сразу вник, о чем говорит ему светловолосый парень, пребывая все еще в размышлениях о судьбе исторических памятников. Но когда Ёж, носивший «в миру» фамилию Ежов, в очередной раз повторил слова «хавка», что в переводе с ежовского означало не что иное как еду и «ништяки», что в свою очередь имело более расширенное значение, которое одним словом выразить было довольно сложно, то Андрей постарался понять, о чем же ему старается сказать подчиненный.

– Так. Стоп, – тормознул словесные излияния Андрей. – Давай еще раз. Только не тараторь и изволь изъясняться на нормальном языке, а то тебя послушаешь и можно сделать вывод, что здесь братва какая-то по фене чешет. Так что ты там предлагаешь?

Ёж остановился, сделал вдох и повторил свои слова более понятным языком.

– Командир, здесь ведь у причала небольшой маркет есть, да и ларьков с сигаретами и прочей ерундой типа жвачек и сухариков полно. Я зуб даю... – Ёж запнулся на этих словах и тут же исправился, – то есть, я уверен, что они остались нетронутыми. Ведь вряд ли мародеры могли проникнуть в центр. Сам видишь, что здесь творится...

– Ага.

Эту неоднозначную реплику можно было трактовать как угодно, но Виталий Ежов воспринял его как одобрение, поэтому посчитал его за разрешение продолжать.

– Так вот. Ведь ничего не мешает нам помимо основного задания еще прошерстить и соседние ларьки и кабаки? – Ёж показал на два ресторанчика, что располагались недалеко от катерных причалов.

– Ну ладно ларьки... сигареты-то не испортились, а в кабаках что искать кроме протухших продуктов? Ведь без света холодильники все того...

⁷ ВСУ – вооруженные силы Украины

⁸ Пилеолус – маленькая шапочка католического священника

– Это да. Все, что могло испортиться, уже испортилось, но помимо мяса и молока там может быть много чего нужного.

– Например?

Андрей понимал, что проявляет просто чудеса тупости и скудоумия, но ничего с собой поделывать не мог – голова совсем отказывалась соображать в нужном направлении. Как говорится, черепушка не варила, а приказать ей как в старом мультике «Горшочек, вари» было попросту невозможно. Так что приходилось довольствоваться тем, что было в наличии.

Но Ёж, словивший свою звездную минуту, вовсе не заметил у командира проблемы с восприятием информации, поэтому сияя аки начищенный самовар, он продолжал разглагольствовать.

– Да самое обыкновенное – специи, сахар, соль... те же салфетки, тарелки и вилки, вода бутилированная, бухло опять же... В смысле выпивка. Тоже лишним не будет. Да если хорошенько прикинуть, то можно грести все, что под руку попадет, а уже на месте наши женщины разберутся что нужно, а что не нужно. Но я уверен, что ничего лишнего не окажется. Вот, представь, командир... Приглашаешь ты свою медсестру на ужин, а стол накрыт белоснежной скатертью и сервирован не гнутыми вилками и надколотыми тарелками со столовки, а местной посудой. А тут еще и бутылочка шампанского для, так сказать, преодоления преград между полами... А если еще и романтику какую-нить в виде свечки поставить, то нежное медсестринское сердце таки не выдержит и растает.

Андрей нарочно сделал страшную рожу, но мысленно согласился с предложением Ежова. Да и Сашке Череповцу, с которым они до начала Беды работали в одном охранном агентстве, и с которым прошли огонь и воду, подобное более чем понравилось бы. Потому как с Сашкиной женой – Машкой, у Андрея были более чем натянутые отношения. Та для начала обиделась на Андрея за то, что он не предоставил ей блат для устройства на более-менее хлебное место, а потом и вовсе решила, что Андрей плохо влияет на Сашку и втягивает того во всякие авантюры. Хотя последнее было чистой воды вымыслом, потому как именно Сашка, а вернее застрявшая в университете его жена, стали причиной того, что Андрей оказался в Голландии. Так что еще не понятно, кто на кого плохо влияет. Поэтому, если вдруг Череп сделает неугомонной жене романтический ужин и намекнет, кто достал все ингредиенты, то есть надежда, что свои усилия по высасыванию мозга мужа через тонкую трубочку, Машка поумерит.

На отношение Марии к нему самому Андрею было наплевать. Еще не хватало заморачиваться тем, что о нем думает посторонняя тетка! Но вот за стремительно ухудшающееся психическое здоровье приятеля он обеспокоился всерьез. Потому как после предпоследних разборок с женой Череп переехал жить в комнату к Андрею, чем полностью лишил его маломальской личной жизни, что только-только начала проклевываться после знакомства с медсестрой из университетской санчасти. Но этот вопрос Доронин уже решил, сменив свою резиденцию. А вот с Сашкой дела обстояли куда хуже: после последней ссоры он едва не был сожран откормившимся зомбаком из-за неосторожности и рассеянности. Да и вообще своим поведением и внешним видом он мало чем отличался от того же мертвяка: кожа бледная, круги под красными от недосыпа глазами, волосы взъерошенные – того и гляди кусаться полезет. Так что Андрей после продолжительной тирады, в большей своей части состоящей из непечатных слов, отстранил Черепу от вооруженного дежурства, боясь, что тот попросту слетит с катушек и пришьет если не товарища, то самого себя. Поэтому Череповец сейчас остался на базе под пристальным оком Сенчукова и Бондаренко, бывшего майора-разведчика, с кем свела судьба Сашку и Андрюху в первый же день Беды, и который так и остался вместе с ними, помогая им по мере своих сил и знаний. Рассказ о проблеме Черепу Павел Степаныч (так звали Бондаренко) внимательно выслушал и, обнадеживающе даже как-то по-отечески похлопав Андрея по плечу, ответил, чтобы тот не беспокоился и отправлялся на задание.

– Ну так что, командир? – чуть ли не подскакивал на месте Ёж, мультяшными огромными глазами поедая Андрея, тем самым пытаясь выпросить разрешение на законный дерибан.

– Мысль хорошая, – кивнул Доронин. – Но первым делом – мы испортим самолеты. Ну а девушек – потом. Так, хлопцы, внимание! Нам нужно еще проверить обстановку на улице с одной стороны до площади Суворова, а с другой прошвырнуться по Большой Морской.

– Стрёмно пешком-то, – скривился Макс Антонов. – Еще не известно, куда подевались все зомбаки... а то как-то подозрительно пустынно.

– Я тоже это заметил, – кивнул Шамиль. – Тут в центре должен был быть филиал ада, а тихо как будто все черти попрятались.

– А может, и попрятались, – предположил Андрей. – Все ведь помнят, как они могут неподвижно стоять, ничем не выдавая своего присутствия. А зачем? Энергию экономят... У них, чай, «Дюрасел» в одно место не воткнут, чтобы постоянно быть живчиками. Даже человек, если не поест несколько дней, становится похожим на овощ, а у мертвяка, наверняка, биохимические реакции еще более замедленные.

– Командир, ты на каком языке сейчас говоришь? – поинтересовался Ёж. – Моя твоя не понимать. Ты бы на русский перевел все вышесказанное.

– Я пытаюсь сказать, что, скорее всего, мертвяки где-то залегли в спячку, как медведи в берлоге, пока не почуют еду. Поэтому, если особо шуметь не будете, то и проблем быть не должно.

– Ну это все в теории, – скривился сержант Сергеев. – А на практике получится как в прошлый раз – кто-нибудь споткнется и случайно выпустит полмагазина в молоко, привлекая к себе мертвяков, а потом будем драпать со спринтерской скоростью.

Кое-кто из вольнонаемных заржал, а один из них – бывший студент того же вуза, Сашка Смирнов, смутился и покраснел до самых кончиков волос, напоминая теперь перезрелый помидор с ушами.

– Да случайно я тогда, – попытался оправдаться он, но всеобщий ржач только усилился, пока Доронин не рывкнул на мужиков.

– А ну цыц! Так вот... Тут еще поступило предложение, – Андрей многозначительно глянул на Ежа, чтобы никто не испытывал иллюзий по поводу предложившего дальнейшие действия, – поступило предложение прошерстить вот эти кафешки и ларьки. Думаю, никто особо против не будет. Тем более, что здесь должен быть табачный ларек, а курево никогда лишним не бывает. – После этих слов мужики, которым идея бросать пагубную привычку претила, довольно загудели. – Поэтому слушай мою команду: Шамиль, берешь пятерых и чешешь бодрым шагом до Суворова, а ты, Макс, в сторону Большой Морской. Ёж, как идейный вдохновитель, вместе с гражданскими остается на прочесывание кабаков. Теперь еще деталь: по пути особо не отвлекаться, но внимательно смотреть, что и где можно полезного скомуниздить. Что конкретно нужно командованию здесь – понятия не имею, но то, что оно в случае мародерки отсыпит нам сущие крохи с барского стола и не сомневаюсь – щедрым наши отцы-командиры только на наряды и штрафы бывали. Поэтому пока есть возможность будем экспроприировать экспроприируемое. Рации здесь все покрывают, так что связь держать постоянно. Ну, в принципе, и все. Вопросы? Предложения? Нет? Тогда вперед, делитесь, кто с кем идет и марш.

Иван Корниенко, которого по имени называли все реже и реже, заменяя данное при рождении имя позывным «Шамиль», наперебой с Максимом Антоновым начали делиться на группы. Из-за нехватки профессионалов в каждую из групп все же попало по одному из гражданских, все остальные остались для проведения мародерки под чутким руководством Андрея. Ежа, как отличного стрелка, было запланировано посадить на открытой площадке кафешки, что находилась на втором этаже над торговыми павильончиками, которые и предстояло проверить с легкой подачи Ежова.

Две группы по пять человек выдвинулись каждая в свою сторону, а Андрей Доронин дал отмашку на мародерку.

– С чего начнем, тащ капитан? – подскочил к Андрею бывший студент и с щенячьим восторгом стал ждать вердикта. Ох уж эта молодежь! Все им игрушки-стрелялки. Не понимают, что это не игра, это жизнь.

Доронин задумался и выдал решение...

– Давайте сначала с минимаркета, что у причалов, куда-то грузить харчи нужно будет, заодно там пакетами и разживемся.

Мародерка крохотного минимаркета, площадь которого занимала от силы квадратов пятьдесят, продлилась недолго. В самом помещении обнаружилось двое мертвяков: судя по всему, кассирша и покупатель, который, скорее всего, ее и грызнул. Конечно, рассчитывать на широкий ассортимент в таком магазине было глупо, но пакеты с логотипом маркета все же забили всякой ерундой, которая из-за содержания в ней красителей и консервантов могла бы проваляться на прилавках не один год. Конечно, вся молочная продукция, так же как и колбасная от двухнедельного пребывания вне холодильников испортилась окончательно, покрывшись отвратительной плесенью, а то и превратившись в неопределенного цвета слизь, но один из вольнонаемных, по виду напоминающий студента-программиста (исключительно из-за безумных глаз, тощего телосложения и взъерошенных волос) нашел несколько кусков практически нетронутого плесенью сыра и хотел было закинуть эти куски в общий пакет, но Андрей его вовремя остановил.

– Ты чего делаешь?

– Так ведь нормальный же... Плесени нет.

– Это кое у кого мозгов нет. Если нет плесени после такого количества времени, то, тем более, есть это не стоит. Значит, там столько гадости всяческой напичкано, что даже плесень завестись не может.

– Ну и что... На безрыбье, – начал было студент, но Андрей его перебил.

– Ну если хочешь прочистить кишечник – бери, только в санчасть потом и не вздумай соваться, я главврача предупрежу, чтобы конкретно тебе десятилитровую клизму назначил и заставил выпить три литра марганцовки залпом. Может, тогда взрослых дядей слушаться будешь.

Что решил лохматый студент, Андрей не знал, но его дело было предупредить о последствиях, а дальше тот пусть сам разбирается, чай не маленький. Еще не хватало с каждым как с маленьким нянкатся.

В общем, набрали всяческой ерунды типа печений, чипсов и прочих снеков. Крупы, конечно, тоже были, но количество смешное – для другой целевой аудитории покупателей была предназначена эта торговая точка. Выгребали все подчистую. Даже одноразовую посуду, что была складирована справа от входа в одной из тележек – и ту забрали. Зато коллекция алкоголя могла порадовать даже предвзятого ценителя огненной воды – виски, ром, сладкие ликеры...

Пока пацаны бегали к катеру и обратно, загруженные баулами, Андрей связался с группами, ушедшими в разведку. Те подтвердили наличие пробок, отсутствие мертвяков и доложили, что продолжают движение дальше.

– Хорошо. Конец связи. – Отключился Доронин и вновь покосился на заходящую с моря тучу. В поле его зрения попали окна диспетчерского отдела портофлота, и Андрей был уверен на все сто процентов, что в окне кто-то мелькнул. При этом кто-то живой, хотя может быть и мертвым, но очень быстрым. Из тех, кто хорошенько человечины покушал. Но нет... ощущения были другие. Все это могло показаться каким-то бредом, но Андрей спиной чувствовал взгляд именно живого человека. Доронин едва толкнул стоявшего рядом Ежа.

– Не дергайся... кажись, за нами кто-то наблюдает...

Ёж тут же попробовал обернуться, но Андрей сквозь зубы зашипел:

– Я же сказал – не дергайся!

– Откуда? – взял себя в руки сержант Ежов, сдерживаясь от порыва повернуться и посмотреть, что же такого подозрительного заметил командир.

– На втором этаже... Там где диспетчерская портофлота дернулись жалюзи. И явно не сами по себе.

– Надо проверить.

– Грандиозно, кэп! – не удержался, чтобы не съязвить Доронин. – Так, отходим к зданию, без кипиша... И проверяем. Молодняк сюда приписывать не стоит – еще наворотят дел с непривычки. Так что, думаю, вдвоем справимся, а то от них больше проблем, чем пользы. Молодые еще, зеленые...

Как раз вернулись двое парней, оттаскивавших пакеты на катер, Андрей тормознул их и быстренько посвятил в суть дела, приказав продолжать начатое, но быть настороже и держать глаза широко раскрытыми.

– А мы пока проверим все, чтобы потом в неподходящий момент ничего в спину не ударило. Пойдем, Ежов, – кивнул головой в сторону здания Андрей, вход в которое было строго посередине, как раз между вывеской «Вина Крыма» и «Сувениры».

Лестница, ведущая на второй этаж абсолютно свободно просматривалась через прозрачный пластик современной двери, но все же Андрей и Ёж какое-то время простояли возле нее, приглядываясь и прислушиваясь. Полагаться не только на зрение, а еще на слух и обоняние стало новомодным мейнстримом. Лестница на первый взгляд была абсолютно пуста. По крайней мере, пролет, что был в поле зрения. Да и никаких других звуков, кроме негромких переговоров таскающих туда-сюда пакеты с едой парней слышно не было.

– Ну что? Заходим...

– Давай, капитан, прикрываю.

Двери, к счастью, были не заперты, Андрей, быстро перебирая ногами, взбежал на один пролет, держа пистолет дулом вверх и стараясь отмечать любое возможное шевеление.

– Пусто. Давай!

Следом поднялся Ёж.

Вот казалось бы разгильдяй и баламут Ёж в мгновение ока вдруг собрался и казался абсолютно серьезным и сосредоточенным. Сразу видно – профессионал, хоть и балаболка редкостная, которому иногда хочется кляпом рот заткнуть.

А вот вход на этаж оказался с сюрпризом: двери оказались запертыми. Двери, конечно, были дешевыми, китайскими, которые можно простым консервным ножом вскрыть. Но сейчас они были заперты и это представляло небольшую проблему, которую Андрей тут же решил, выстрелив из пистолета в замок.

Звук выстрела ударил по ушам и гулко прокатился по лестничной клетке.

– Круче всякой отмычки! – прокомментировал Андрей. – Рекомендую.

– Ага. Только теперь лишь глухой не понял, что мы здесь появились.

– Ну... Без предупреждения в гости ходить не вежливо. – Андрей аккуратно приоткрыл дверь, заглянул во внутрь, а потом обернулся к Ежову и добавил. – Меня мама так учила. Чисто, вроде...

За дверью был недлинный коридор, в конце которого было небольшое окно, с четырьмя дверьми. Двери все были закрыты, и если бы не окошко в конце коридора, то там царила бы кромешная тьма.

– Так, ты открываешь, я проверяю. Готов?

– Ага, – кивнул Ёж, с опаской косясь на закрытые двери.

Ни за первой, ни за второй дверью никого живого (как в прочем и неживого) не оказалось. А вот когда Доронин с Ежовым подошли к третьей двери, за ней послышался какой-то шум, словно ручка со стола упала.

- Тс-с-с... Слышал, командир?
- Ага. Наш клиент.
- И что делать будем?
- Щас, погоди! – кивнул Андрей и слегка приоткрыл дверь. – А ну выходи! Ща гранату кину!
- Не надо гранату! – послышался из-за двери испуганный женский голос. – Мы выходим!

11.00. г. Севастополь. Иван Корниенко (Шамиль)

Непривычно пустая улица змеей вилась меж невысоких двух и трехэтажных зданий центра города, выполненных в классическом стиле, украшенных декоративными колоннами и лепниной. В темное время суток фасады освещались небольшими светильниками, установленными в нишах у основания, создавая особую атмосферу центральной части города.

Черeda машин тянулась на сколько можно позволяла видеть местность, занимая все три полосы движения в обоих направлениях. Было много аварий, но еще больше брошенных машин, оставленных с открытыми дверцами и багажниками. Хотя некоторые водители и пассажиры, судя по всему, не успели выбраться из своих автомобилей. Проходя мимо очередного авто, Шамиль заглянул в салон и нервно шарахнулся, когда на него уставились белесые глаза умершего ребенка, на вид которому можно было дать года три или чуть больше. Там же, пристегнутой ремнями безопасности, сидела уже обратившаяся мать малыша. Кто кого укусил было не понятно, да Шамиль и не разглядывал, чертыхнувшись себе под нос и сплюнув на землю.

– Что там? – поинтересовался гражданский, попавший в группу Шамиля.

– Да все то же, что и везде – зомбаки! – отмахнулся Шамиль, не став заострять на этом внимание, тогда как гражданский не преминул всунуть нос к машине, чтобы поглядеть на зомбаков. Хотя на что там смотреть? За две недели на них уже столько насмотреться успели, что уже воспринимали их как привычный атрибут окружающей среды. И именно поэтому их полное отсутствие на центральной улице города вызывало беспокойство и озабоченность.

Задание было плёвое – прогуляться вверх по улице и глянуть, что и где можно прибрать к рукам. В былые времена, когда еще мир не сошел с ума, это все заняло бы максимум час времени. И то, если идти со скоростью улитки и тарашиться по сторонам. Но это было раньше. Теперь же пешая прогулка по центру мертвого города была чревата массой неприятностей.

– Парни, по сторонам не забываем поглядывать и наверх тоже. Чтобы ни одна тварь...

– Да знаем-знаем... В курсе уже. – Заворчали ребята, не забывая осматривать каждый свой сектор.

– Так а что ищем-то? – чересчур жизнерадостно поинтересовался гражданский.

Этот невысокий с рыжеватой бородкой мужик с внешностью, далекой от идеальной, но с необычайной харизмой, которая так и притягивала женский пол, вообще сиял как начищенный самовар. С чего бы – не понятно. Его вообще редко когда можно было увидеть в подавленном настроении, он всегда был на позитиве, всем довольный и светящийся от счастья, чем несказанно раздражал окружающих. Ведь чему радоваться то? А этот человек находил чему, пользовался любой мелочью...

Не дождавшись ответа на свой вопрос, дядька снова повторил его, улыбнувшись еще шире, отчего Шамилю захотелось заехать тому прикладом по зубам. Сдерживая свои отрицательные порывы, командир отряда нехотя ответил:

– Если б я сам знал. Наша задача – провести разведку, для чего это нужно начальству – без понятия. Ну а параллельно с этим ищем все, что может пригодиться. И стараемся не шуметь, как стадо гибонов на выгуле, ибо чует мое сердце, что мертвяки никуда не делись, а сидят где-то.... Выжидают.

Дядька улыбку с лица убрал и с полной серьезностью кивнул.

– Так... тебя как звать? – снова обратился к рыжему мужику Шамиль.

– Колюня, – бесхитростно ответил тот, вызвав только настороженность у собеседника.

– Эм... У нас с тобой не столь тесные отношения – на брудершафт в Кью-баре⁹ не пили, так что я лучше тебя Коляном буду звать или Николаем, или вообще позывной себе придумай.

– А какой позывной? – задумался Колян, почесывая свою бородку.

– Да какой хошь! – пожал плечами Шамиль, мечтая поскорее закончить этот рейд. К тому же утро выдалось на удивление теплым, можно сказать даже жарким – градусов восемнадцать, не меньше. А то и больше. Поэтому в толстых «титановках» было жарко, а черный цвет форменных курток, еще больше притягивал тепло, но снять неудобную одежду никто не спешил – ткань была плотная, усиленная в локтях и коленях, такую мертвяк если и сможет прокусить, то придется ему поработать челюстью. – Только чтобы ясно и кратко. Вот ты чем на гражданке занимался?

– Водила я. На топике баранку крутил.

– Ну вот и будешь «Топик». – Хлопнул того по плечу Шамиль, а худощавый Николай от такого дружеского похлопывания чуть было не пошатнулся.

– Та не-е-е, – скривился мужик. – Мне моя работа вот где уже засела. Лучше зови уж Коляном. Че там выгадывать?

– Ну дело хозяйской. Колян так Колян. Вот тебе рация, – Шамиль всунул тому в руки небольшую пластиковую «мотороллу», – прежде чем говорить, нажимаешь вот сюда. Больше ничего не трогай, а то еще не дай Бог в нужный момент останешься без связи. Уяснил?

– Ага! – опять расплылся в довольной улыбке тот, принимая рацию и крутя ее в руках из стороны в сторону.

– Дальше слушай! – заставил оторваться того от новой игрушки Шамиль. – Твоя задача – замечать все, что может нам пригодиться в дальнейшем и что можно перенести на своем горбу. Например: магазины, ларьки, аптеки. Уяснил?

– Ага.

– Если вдруг начнется ахтунг, то по рации докладываешь об этом командиру. Все ясно?

– Ясно. А как докладывать?

– Ты в детстве фильмы про разведчиков смотрел? Вот так и докладывай.

– Что так и вызывать: «Дупло», «Дупло», я «Дятел»?

– Вот уж действительно – дятел. Твой позывной – «Колян»! А командир у нас – «Первый». Так что не забудешь.

– Ага. Ну понятно, – засуетился Колян, ища, куда приткнуть рацию, чтобы она не мешала.

Шамиль не стал более отвлекаться на этого гражданского, затесавшегося в их ряды и повел далее свой немногочисленный, но достаточно хорошо вооруженный отряд. В принципе, все проходило более или менее спокойно, мертвяки пока встречались только замурованные в автомобили. Они, оживая при появлении людей (и как только чуяли?), щерились своими гнилыми зубами, то и дело норовя дотянуться до пищи, но не хватало ума, чтобы открыть дверь, или сил, чтобы разбить окно.

Шамиль шел впереди, поэтому видеть, что творилось сзади он не мог, но он просто спонной чувствовал то напряжение, в котором пребывали его парни. Так они миновали памятник воинам-интернационалистам, а окружающая картина и не думала меняться. Замерший словно в летаргическом сне город давил на психику, а тут еще и погода начала портиться...

Резкий звук бьющегося стекла застал отряд врасплох. Как еще никто не высадил полмагазина в воздух – не понятно. И это было бы абсолютно не удивительно, потому как в застывшем городе любой звук был слишком резким и практически бил по ушам.

Парни остановились и, оцетинившись оружием, искали глазами источник шума, пока на противоположной стороне улицы на третьем этаже здания в проеме разбитого окна не разглядели женский силуэт, изо всех сил машущий руками. Увидев, что ее сигнал заметили, женщина

⁹ Кью-бар – заведение, помеченное «радугой», общеизвестным символом гей-сообщества

быстрым движением смахнула набежавшие слезы и начала открывать старые двухстворчатые окна.

Шамиль с еще двумя парнями перебежали улицу, тогда как трое других остались караулить на другой стороне.

– Как хорошо, что я вас увидела! – свесившись с подоконника закричала женщина стоявшим под окнами мужчинам. – Вы ведь военные, да? Или из милиции?

Женщина рассмотрела надписи на спинах.

– Военные-военные... Какая уже разница?! – кивнул Шамиль, не став вдаваться в подробности родов войск. Сейчас все, кто носит форму, стали называться одним словом – «военные».

– Помогите нам! У нас уже четыре дня как закончилась еда, а воды осталась одна двухлитровая бутылка, – разрыдалась женщина. – А на лестнице и во дворе они.

Кто «они» Шамиль сразу же догадался, да и информация о закончившейся еде тоже удивления не вызвала. Как ни странно, но в спальных районах, находящихся в отдалении от исторического центра, с продуктовыми магазинами было все намного проще – и рынки, и супермаркеты да и просто вагончики или небольшие магазинчики... А вот в самом центре продуктовый маркет был один-единственный и тот находился практически в четырех остановках отсюда. Да и выбор там был не ахти: а основном разнообразная слабо и алкогольная продукция да снеки к ней в качестве закуски.

– Много их на лестнице? – поинтересовался стоявший рядом с Шамилем боец. – И сколько вас в квартире?

В принципе, негласный приказ спасать всех, кого можно, он существовал, но с другой стороны гробить отряд ради одной-единственной женщины, тоже не хотелось. Как бы это страшно и цинично не звучало. Не те времена... Не до демократий с разнообразными толерантностями нынче. Не стоит один гражданский человек пяти обученных воинов. Так что прежде чем бросаться в омут с головой, нужно было бы прощупать глубину омута.

– Много, – с горечью призналась женщина, словно что-то заподозрив в вопросе этого смуглого мужчины.

– А вас сколько?

– Нас двое. Я и моя свекровь.

– Шамиль, что делать будем? – кивнул один из бойцов, стараясь говорить негромко, чтобы их разговор не был слышен женщине, жадно ловившей каждое их слово.

– Надо посоветоваться с Дорониным. Соваться в тесный подъезд... – Шамиль скептически пожал плечами и вызвал по своей рации командира. – Первый? На связь.

– Первый на связи. – Тут же отозвался Доронин, словно ждал этого сеанса.

– Это Шамиль. У нас тут двое гражданских на третьем этаже. Говорят, что выйти не могут. Подъезд заблокирован мертвяками. Что делать?

– Обстановка как? Позволяет заняться эвакуацией?

– В принципе да. Пока все тихо.

– Ну тогда сам решай по обстановке. Отбой.

– Не бросайте нас, пожалуйста! – продолжила причитать женщина, словно кожей ощущая неуверенность Шамиля, рискуя попросту вывалиться из окна и если не убитая, то сильно покалечиться.

– Женщина, да не орите вы так! Сейчас все зомбаки сюда сбегутся! – рявкнул он. – И тогда мы вам точно не поможем. Понятно?!

Женщина в окне быстро-быстро закивала, боясь, что чудом оказавшиеся здесь живые люди плюнут и уйдут, оставив ее умирать в своей квартире.

– Ну так что? Че делать-то? Поднимем шум – всем хана будет, а без шума мы на третий этаж не пробьемся, раз уж на лестнице мертвяки. Может, ну его? Нафига нам старуха и еще одна лишняя тетка?

– Оставить их здесь предлагаешь? – взглянул на парня Шамиль. В его голосе не звучало какого-либо удивления или возмущения – это был простой вопрос, который требовал ответа для решения дилеммы.

– Да мне лично по барабану...

Этого бойца Шамиль знал давно, хоть они доселе никогда потно и не общались. Так, отделивались при встречах дежурными «привет-пока» и все, да и сейчас, после начала Беды, они не стали плотнее общаться. Сделали дело и разбежались каждый по своим норам. Поэтому предложение бросить все к чертям собачьим не шибко травмировало Шамиля. Признаться, он сам еще сомневался в необходимости рисковать парнями. А с другой стороны, если все продумать и сделать качественно, то почему бы тетку и не спасти?

– Собирайте все самое необходимое. То, что можно унести на себе и ждите нас! Понятно?! – задрал голову вверх, крикнул Шамиль. – Мы скоро вернемся! Так, ребята, нам еще свои дела доделать нужно, потом уже с этими будем разбираться. Поэтому шагаем бодрым шагом вперед и с песней.

Женщина сперва начала что-то причитать благодарственное, лопоча слова, словно заклинание какое-то, а потом, спохватившись, скрылась из виду, словно ее кто-то позвал.

Шамиль же с парнями продолжил свой путь, только вот все чаще начали поступать доклады, что видны мертвяки. Видать, все же перекрикивания их и приманило. Стрелять пока не стреляли – в этой могильной тишине каждый звук выстрела будет как грохот грома. Будет только хуже. Поэтому, командир группы приказал ускориться, а после и вовсе перейти на бег трусцой, чтобы хоть как-то оторваться от сбредających из подворотен грязных и оборванных зомби. «Тьфу, блин!» – подумал про себя Шамиль. – «Бомжи и те краше выглядят!»

И ведь и в правду, если в первые дни одежда, в которую были одеты ожившие трупы, еще создавала видимость нормальной, то спустя две недели она превратилась в сущие лохмотья из-за пыли, грязи и запекшейся крови. Ни Шамиль, ни другие его бойцы уже и не пытались взглядываться в лица-маски появляющихся то тут, то там фигур, теперь они были все на одно лицо – мертвое и попытующееся при случае убить. Да и нечего одушевлять врага.

До площади Суворова добрались порядком запыхавшись. Нет, конечно, подготовленные бойцы были в хорошей физической форме, а вот Колян, пасущий задних, дышал уже как загнанная лошадь перед тем как пасть.

– Ты командиру доложил, что за нами хвост из доброго десятка мертвяков увязался? – искусственно задерживая дыхание, чтобы восстановить нормальный сердечный ритм, спросил Шамиль.

– Нет, – выпучив глаза, столь выделяющиеся на покрасневшем лице, покачал головой рыжий.

– Так какого ты сейчас стоишь?! Я что тебе сказал? Обо всех изменениях докладывать Первому.

– Ага. Сейчас! – спохватился Колян, судорожно ища, куда же он запихнул рацию, под тяжелый взгляд Шамиля. Наконец-то коробочка нашлась в одном из карманов... Вспомнив наставления старшего, бывший водитель нажал кнопку вызова и затарахтел, – Первый, Первый, я – Второй! Ой! Я – Колян! На связь! Что значит, какой Колян? Колян – это я! А! Черт! Я в группе Шамиля. Позывной – Колян...

Шамиль, покачав головой, оглянулся назад, чтобы оценить, на сколько удалось оторваться... Метров шестьсот-семьсот. А еще возвращаться придется как-то. И женщин вытаскивать... Получится ли? Опять его затерзали сомнения в необходимости подобных маневров. Может, действительно, плюнуть и уйти... и бросить на верную смерть двух человек. Черт его знает.

– Отдохнули? Отдышались? Вперед!

Посреди площади красовались черные сгоревшие остовы трех машин, не разминувшихся на У-образном перекрестке. Несколько троллейбусов замерло по направлению к площади Ушакова, заблокировав практически весь проезд к ней. Что делалось на дороге, ведущей к вокзалам, отсюда не было видно – не позволяла естественная холмистость местности. На той стороне Южной бухты, где ранее располагались лазаревские казармы, а ныне – филиал МГУ, что-то довольно добротно горело, потому как столб дыма, уходивший в небо, был порядочный, а тушить эту громадину было теперь некому.

– Шамиль, что делать будем? Мертвяки на подходе...

– Давай отойдем к развилке и там уже подпустим их поближе, авось удастся относительно бесшумно их перебить.

– Шамиль... – позвал того другой боец, контролировавший правый фланг.

– Чего?

– Бесшумно не получится! – рявкнул тот и выстрелил, подняв стаю засевших на раскинувшихся над дорогой платанах ворон. Те взлетели, шумно хлопая крыльями и издавая резкое карканье, черной тучей окружились над площадью и рванули куда-то в сторону вокзалов.

Из-за замерших троллейбусов выходили один за другим мертвяки, появившиеся словно из-под земли, другие двигались более споро и чуть ли не бежали навстречу ошестинившимся оружием людям, протягивая к тем свои руки, желая вцепиться покрепче, удержать свою жертву. И Шамиль знал, что ежели такой вцепится, то все – не вырвешься. Хуже бульдога.

Первые выстрелы опрокинули на спину особо резвых, вырвавшихся вперед. Другие же вроде даже как замедлили свой ход, словно сообразив, что их ждет впереди. Учатся что ли? Или инстинкты так работают?

Приказы выкрикивать даже не пришлось – все прекрасно знали свои роли. Даже гражданские, вопреки всем ожиданиям, не растерялись, а вполне себе правильно отреагировали, вспомнив все наставления. Да и не до паники было сейчас. Запаникуешь – и считай, что тебе каюк – моментально задавят массой.

Шамиль брал на мушку тех, кто выбивался вперед, целясь прямохонько между глаз. Расстояние было не такое уж и большое, поэтому промахивался он редко, но бывало – мертвяки раскачивались из стороны в сторону, что затрудняло точное попадание.

– Первый, на связь Коляну! У нас нападение.

– Численность? Местоположение?

– Некогда считать! Много! Мы на перекрестке на Суворова!

– Тр-р-р-кхх...

– Что? – переспросил Колян, передвигаясь за спину Шамилю, словно попытавшись спрятаться. – Повторите!

И словно это поможет потряс рацию.

– Откх-х-х-х... кх-х-хите! От-кх-х-ходите!

– Первый приказал отходить, – вздрагивая от выстрелов, прокричал практически в ухо Шамилю, Николай.

– Передай ему, чтобы готовился нас прикрыть!

– О-кей! – тут же с готовностью кивнул мужик. – Первый! Шамиль просит приготовиться встречать нас.

– Сейчас слезет и выдвигаемся, – кивнул Шамиль, оценивая обстановку. – Дамочка, ты или слезай или мы пошли, нас уже поджимают!

– Но как же мама? Она не может ходить!

Шамиль выругался себе под нос. Еще и парализованной старухи не хватало! Зачищать подъезд просто невозможно – сожрут всех.

– Так какого ты нам бошки морочишь? Прорываться через мертвяков мы не будем. Или спускайся давай, или мы пошли – не видишь что ли, сколько их сюда прет?

Собеседница глянула вправо, туда, откуда двигалась толпа мертвецов, потом обернулась обратно в комнату и что-то сказала. В общем шуме расслышать ее слова было невозможно. Шамиль решил для себя, что еще минута, и они уходят. С теткой или без нее.

Но женщина, бешено вытаращив глаза и вцепившись в веревку мертвой хваткой, наконец, решилась перелезть через подоконник, что-то крича в распахнутое окно решившей остаться парализованной свекрови. Что именно та кричала: от страха ли или прощалась, прося извинение, что бросает вот так беспомощную старуху, Шамиль не знал. Да и не когда ему было вслушиваться, чтобы разобрать слова – грохот от пяти автоматов стоял приличный. Пришлось ее поторопить – особо времени много не было, их в любой момент могли заблокировать и тогда всем хана. Женщина, смешно засучив ногами, одной рукой задрала практически до самых бедер длинную юбку, которая ну аж никак не подходила для вынужденного промышленного альпинизма, и, схватившись за веревку, начала спускаться.

Наконец, ноги женщины коснулись земли, и Шамиль дал приказ отходить на соединение с основной группой.

– Отходим! Да не ломимся как стадо диких бегемотов! Организованное отступление!

Организованное отступление хоть и звучало гордо, но больше было похоже на банальное бегство. А что делать, если подходившие и подходившие мертвяки могли с легкостью прорвать и так слабенькую линию обороны. Сюда бы пару машин с пулеметами или «коробочку» – и был бы другой разговор на горячие темы. А ногами бегать – совсем не вариант.

Пришлось оголять тылы и вести огонь уже на два фронта, потому как к площади подтягивалось еще около двух десятков мертвяков. Шамиль даже сначала и не понял, показалось ему или несколько мертвяков, доселе бежавшие впереди толпы, замедлили ход, а потом и вовсе спрятались? Да нет... Так оно и есть. Вон, стоят, голубчики, за углом, выглядывают.

И чего выглядывают? Чего ждут? А то, что именно ждут, сомнений не было. Выстрелов что ли испугались? Ничего не понятно...

– Отходим, отходим! – вновь крикнул Шамиль и снял мертвяка, который оказался буквально в паре шагов от зазевавшегося Николая. Тот обернулся, услышав, как пуля свистнула совсем рядом и, увидев лежащее тело, побледнел похлеще, чем окружающие зомби. Шамилю не пришлось повторять команду – мужчина рванул вслед за остальными с удвоенным энтузиазмом.

Мертвяки, не смотря на то, что попрятались, уходить не торопились. Хотя те, кто поглубже все так же пер как Матросов на амбразуру, и Шамиль боялся, что их просто задавят количеством. Потому как с каждым выстрелом мертвых на улице все прибывало и прибывало, словно голов у мифической гидры с каждым ударом меча. Нет, так дело не пойдет. Спасенная женщина еле волокла свою сумку, то перекидывая ее из руки в руку, то пытаясь закинуть ее на плечо, но слабость из-за вынужденной голодовки вперемешку с ужасом давали о себе знать – она начала выдыхаться.

Глядя на это, Шамиль рывкнул, чтобы она бросала свои пожитки, но та упрямо перла вперед.

– Бросай, мать твою! На том свете оно тебе не понадобится! – подскочил к женщине Шамиль и резким движением вырвал из ее рук злосчастную сумку и швырнул ее под ноги ближайшему зомби, вырвавшемуся вперед на опасное расстояние.

– Но... Там...

– Вперед! – неласково подтолкнул то и дело оглядывающуюся женщину в спину Шамиль и выстрелил в ближайшего мертвяка. Выстрел словно придал сил спасенной, и она поспешила догонять мужчин.

На главной площади города Шамиля с парнями уже ждала группа Макса, успевшая только-только вернуться со своего маршрута и готовая прикрыть отход соратников, которым пришлось прорываться через встречное скопление мертвяков. Конечно, чем-то застывшая череда машин помогала парням: длинная пробка на проспекте служила преградой для мертвяков, слегка тормозя их и не давая с легкостью перебираться с одной стороны улицы на другую. Но и для отходящих вэвэшников подобные лабиринты тоже были не самым лучшим сюрпризом.

Кто-то из парней в несколько прыжков забрался на крышу бежевой девятки и оттуда, прикрывая остальных, отстреливал особо резвых, затем, покрутив головой, начал передвигаться исключительно по кузовам машин. Нещадно оставляя глубокие вмятины на крышах, капотах и багажниках, и грохоча тяжелыми ботинками, парень делал огромные прыжки, отталкиваясь сильными ногами, чтобы преодолеть пространство между ближайшими автомобилями. Проблему составляли распространенные хэтчбэки и крупногабаритные внедорожники, которых было поменьше. Из-за них приходилось изменять маршрут движения, рискуя свалиться между машинами.

– Колян, твою налево, догоняй! – проорал Шамиль отставшему рыжебородому мужчине, который цветом своего лица мог посоперничать с вызревшим томатом.

– Ага... Бегу... – на ходу, шумно и беспорядочно дыша, прокричал тот.

Парни Шамиля, не сбавляя темпа попросту ввалились на урчащий двигателем катер, готовый к отплытию. Толпа жаждущих плоти мертвяков ворвалась на огороженную территорию портофлота, когда катер уже отошел от причала на добрых два метра. Зомбаки беспомощно застыли у края бетонного причала, не имея возможности далее преследовать своих жертв. А вот сами несостоявшиеся жертвы, отдышавшись, принялись отстреливать тех как в тире, не жалея патронов. Вдруг придется возвращаться в центр, а тут такой нежданчик! Лучше уж перестраховаться...

13.00. г. Севастополь. Лариса Тюнина

Прижимая к себе покрепче перепуганную дочку, Лариса боролась сама с собой. Даже в такое время ее женская сущность давала о себе знать. Тем более в компании молодых и сильных мужчин. Руки сами по себе тянулись к волосам, чтобы поправить «прическу», от которой ничего не осталось: засалившиеся от отсутствия водных процедур волосы пришлось стянуть в конский хвост. Лара прекрасно понимала, что выглядит сейчас не самым лучшим образом: уставшая, в помятой и давно не свежей одежде, от которой разило так что будь здоров, с грязными невымытыми волосами и темными кругами под глазами... в таком виде только женихов и привечать. Хотя только круглый идиот будет требовать от безвылазно просидевшей две недели в офисном помещении женщины благоухания утренней розы.

Таковых среди военных не находилось, поэтому все тактично молчали...

Лариса наблюдала, откинувшись на жесткую спинку сиденья, как спасший ее командир что-то расспрашивает у смуглого брюнета с погонами прапорщика. В воинских званиях Лара разбиралась налету – сложно было в них не разбираться, если живешь в городе, половина населения которого либо служила в вооруженных силах, либо сейчас служит.

Смуглый прапорщик, жестикулируя, что-то объяснял командиру (Лариса уже поняла, кто тут за главного), кивая в сторону такой же как и она сама испуганной и зареванной женщины в длинной аскетичной юбке до щиколоток. Эта юбка в клетку из коричневой шерсти показалась такой нелогичной в нынешнее время, что Лариса даже на какое-то время задержала на ней взгляд, хотя ничего примечательного там не было – обыкновенный китайских ширпотреб. Да и сама ее обладательница была такая же невзрачная, как и ее одежина. Конечно, и сама Лара сейчас была не в лучшей форме, но женщина от природы обладавшая яркими и правильными чертами лица, даже в таком жалком состоянии выглядела намного более выигрышно и привлекательно.

«Ну вот... Уже и сравнивать себя начала с другими... Совсем уже крыша того! Нашла время!» – недовольно подумала Лариса и, перехватив на себе взгляд смуглого прапорщика, сердито отвернулась и нарочисто показушно уставилась в окно.

Она ведь даже и не поинтересовалась, куда они едут. Как-то даже не додумалась. Радость от появления живых людей, которые были способны за себя постоять, так и затмила все мысли, превратив всегда умную женщину в какую-то болванку, тупо подчинившуюся чьему-то приказу. Но она и дочь были живы, здоровы и в относительной безопасности в окружении вооруженных мужчин...

Стоп!

«А так ли они безопасны?»

Эта мысль вдруг напугала женщину. Вот так вот, не думая, не глядя, сорваться куда-то с толпой незнакомых мужиков... Да это же верх глупости и легкомыслия! Еще и с ребенком...

Теперь Лара со страхом, который всеми силами старалась скрыть, рассматривала неожиданных спасителей, стараясь найти то ли подтверждение, то ли опровержение своим мыслям. Никто на нее не набрасывался и не насиловал прямо здесь и сейчас, но это тоже не показатель – видок-то у нее тот еще, не каждому по душе. И вообще... может, они брезгливые?

Мыли заводили ее все дальше и дальше, вызывая перед глазами не самые лицеприятные картины, которыми можно было бы пугать молоденьких девушек.

«Так сто-о-оп!» – сказала она сама себе, крепко сжимая виски. – «Так ты сейчас, дорогуша, совсем с катушек съедешь. Уже начала себе кино крутить... какое немцам и не снилось. »

– Мам, ты чего? – забеспокоилась и заерзала рядом Алька, тонко уловив на уровне шестого чувства резкую перемену в поведении матери.

– Голова разболелась... – не стала пугать дочку раньше времени Лариса, инстинктивно ближе пододвигаясь к ней, словно желая ее огородить от собственных страхов, о которых дочь, к счастью, даже и не догадывалась. Алька, полностью удовлетворенная ответом матери, с интересом уставилась в окно. Ей, как жительнице южной части города, не часто приходилось пресекать бухту на катере – только в редкие поездки в гости к подруге матери. Поэтому сейчас девчонке все было интересно. Да и Лариса мысленно вздохнула от облегчения, видя, что дочь абсолютно спокойно восприняла столь стремительные перемены в их жизни.

Конечно, в первые дни затворничества в диспетчерской портофлота Алька, как и всякий активный ребенок, в попе у которого торчало не одно шило, невероятно страдала, чем доводила и так раздраженную мать до белого каления. Но потом ее энтузиазм как-то поутих на фоне того, что творилось за окнами. Выходить на улицу совсем не хотелось. Все же это небольшое здание было какой-то защитой от того кошмара, происходящего за его стенами. Но когда закончилась еда, Ларисе волей неволей пришлось выбраться из укрытия, ибо в противном случае им грозила медленная и мучительная смерть.

То, что подмоги ждать не от куда, Лара поняла дней через пять, когда город постепенно погрузился в тишину, изредка нарушаемую отдаленными звуками выстрелов – в центр уже мало кто рисковал соваться. Еды уже не было сутки, Алька начинала противно ныть, не реагируя на слова матери, да и мысли самой Лары словно заколдованные вились исключительно вокруг еды. А уж учитывая то, что буквально в нескольких метрах располагался магазин, то гасить в себе голодные спазмы становилось все тяжелее и тяжелее. Благо хоть с водой проблем не было – в нескольких помещениях нашлись десятилитровые кулеры с водой, а в одном так еще и дополнительный бутыль. Так что литров сорок питьевой воды было в распоряжении. Воду Лара старалась экономить, не тратя даже на мытье головы. Конечно, пока в кране была вода, с этим было попроще, хоть и не так удобно, а вот потом... С личной гигиеной дела обстояли тоже неважнецки – Лара уже даже перестала ощущать исходящий от нее запах, а вот Альке все было по барабану. Она, как и большинство детей, не очень стремилась чистить зубы или мыть голову. Так что ее подобные «мелочи» беспокоили мало, в отличие от ее матери.

Алька ныла, желудок требовал пищи... вот и пришлось собирать в кулак все остатки храбрости и, схватив дочкин рюкзак, спускаться вниз.

От воспоминаний Лару аж передернуло. То, что она увидела в магазине, могло надолго отбить аппетит. К тому же в самом магазине были эти... порядком побледневшие и осунувшиеся, но все такие же страшные. Лариса и сама не понимала, как она переступила через свой страх. Наверное это все же было из-за дочки. Ради нее она бы любому глотку перегрызла, похлеще любого «психа».

Вбежав в зал и отметив краем глаза, что кассирша за стойкой весьма тучная, а проход узкий, женщина ветром пронеслась меж рядов, сметая в рюкзак печенье и вафли. Крупы-макароны брать было глупо, ибо без плиты их бы пришлось хомячить всухомятку, но вот пару пакетов гречки Лара в рюкзак кинула. Ту можно было залить водой и оставить на ночь, тогда и есть ее вполне можно было – так говорила инструктор по йоге, увлекающаяся сыроедением. Ларе тогда казалось это дуростью, но вот сейчас почему-то вдруг вспомнилось как нельзя кстати. В рюкзак так же полетело все, до чего Лариса успела дотянуться – смотреть и сортировать было некогда. Тетка-кассирша все же неуклюже выбралась из-за стойки и теперь, задевая товар на полках своими телесами, устремила прямоиком к Ларисе, которую чуть было не вывернуло при виде объединенного плеча с обрывками тканей и видневшейся костью в обрамлении бурого мяса.

Лариса проскочила в соседний ряд и, постоянно оглядываясь, принялась искать спички – ночи были все же прохладные, а отопление как на зло отключили. Но найти их в такой суеде было невозможно, да еще и кассирша, пройдя ряд, оказалась буквально в нескольких шагах от

Ларисы. Хорошо хоть в магазине было два выхода. Лара взвизгнула и, плюнув на все, бросилась к двери выхода.

Продуктов хватило дней на пять – от постоянного стресса все время хотелось есть, а от осознания того, что еду нужно экономить, есть хотелось еще больше. Поэтому, когда за дверью чей-то голос пригрозил забросить гранату в помещение, Лариса не стала выкобениваться и тут же согласилась выйти. А теперь вот сидела и пыталась обмозговать свое решение. Но чем больше она задумывалась над ситуацией, тем все больше убеждалась, что иного решения просто не было. Ибо второй вариант был умереть с голоду.

Наверное, резко изменившееся поведение Ларисы все же бросилось в глаза командиру группы, так как он крикнул в открытую дверь, ведущую в капитанскую рубку, чтобы капитан правил в сторону Южной бухты, а сам направился к Ларисе, которая сжималась с каждым его шагом в ее сторону.

– Вы чего-то боитесь? – сел напротив нее мужчина, внимательно глядя женщине прямо в глаза. Все же взгляд у того был тяжелый, заставляющий внутренне сжиматься. Лара глаза не отвела, хоть это было и не легко. Смотрела прямо на него и пыталась понять, откуда она могла его знать, потому как этот мужчина в серой форме и с черной банданой на голове казался смутно знакомым – уж что-что, а память на лица у Лары была натренированной.

– Куда мы плывем? – дрожащим голосом перебила его Лариса и крепко сжала ладонь дочери, отчего та аж пискнула от боли и с удивлением уставилась на мать.

– Что? А... Сначала турне по Южной бухте. Надо глянуть кой-че.

– А потом?

– Потом на базу.

– А...

– Где у нас база? Я что-то не понимаю, что именно вас так беспокоит? – мужчина подался вперед, облокотившись локтями на широко расставленные ноги. – Вы бы предпочли остаться в самом центре города, где с трудом прошла хорошо вооруженная группа людей? И заметьте – отнюдь не дилетанты в вопросах применения оружия. Что вас так пугает?

– Меня не... – Лариса нервно сглотнула и быстро замотала головой из стороны в сторону, попытавшись переубедить мужчину. Но тот хитро улыбнулся, словно видел все эти попытки насквозь и считал их абсолютно жалкими. Поняв это, Лара и вовсе скисла.

– Не надо меня лечить! – перешел на молодежный жаргон командир отряда. – А то я не вижу... Врать у вас не очень получается, а уж расширенные от страха глаза я ни с чем не спутаю. Так что? Рассказывайте, что вас так волнует.

Лариса засопела, не зная, что ответить на эту изболочительную речь. Поэтому не нашла ничего лучше, как сказать сущую правду.

– Я боюсь неизвестности. Нет, не так... Я боюсь вас.

– Меня? – искренне удивился собеседник и откинулся назад, удивленно приподняв брови, словно искренне не понимал, чем же он мог напугать эту женщину. – Чем же я так страшен?

– Да нет... – покачала головой Лариса, не зная, как правильно сформулировать причину нахлынувших на нее страхов. – Не конкретно вас, конечно. Просто... как бы вам объяснить... В наше время очень небезопасно отправляться куда-либо в компании незнакомых мужчин. А уж тем более сейчас.

Лариса закончила говорить и закусила губу, ожидая реакции или ответа.

– А-а-а! Вот вы о чем. Понимаю. Вас терзают мысли о вашей дальнейшей судьбе... – Мужчина пару раз согласно кивнул, но потом пренебрежительно махнул рукой. – Но можете расслабиться. Мы не маньяки, не работоторговцы, не держатели притонов. Мы – обыкновенные солдаты, которым удалось укрепиться в новом мире.

Лариса почему-то, даже сама не зная почему, ему поверила. Или может, ей так хотелось верить, что все будет хорошо и они с дочерью теперь в безопасности, что она не думая зацепилась за это уверение.

– Так куда мы плывем? Где ваше ... укрепление?

– В Голландии.

– В ядерном институте? – переспросила Лариса, не представляя, как там можно жить. Хотя... жили же там как-то студенты, общежития были. Значит, мало-мальски пригодные условия проживания имеются. Да и выбирать-то особо не приходится. Не в том сейчас она положении.

– Да. Но вы можете отказаться. – Пожал плечами командир отряда, чем несказанно удивил Ларису. – Никто вас за ноги тянуть не будет.

– Отказаться? – не поверила своим ушам Лариса, гневно глянув на не в меру разрезвившуюся Альку, которая уселась на крышку ниши для хранения спасательных жилетов, о чем свидетельствовала надпись на ней, и таращилась в окно, не забывая при этом мотылять ногами, постоянно задевая каблуками обшивку.

Гневный взгляд матери не подействовал должным образом, Алька, довольная тем, что наконец выбралась из закрытого помещения, в котором пришлось просидеть две недели, словно с цепи сорвалась, вдохнув запах свободы

– Алька, немедленно сядь нормально! Немедленно! И прекрати стучать и болтать ногами. Сколько я тебе раз говорила?

Девчонка на какое-то мгновение замерла и, скривив недовольное лицо, нехотя пересела на сиденье, демонстративно надув губы и нахмутив брови.

– В каком смысле отказаться? – вновь переспросила Лариса. – И остаться в городе... как вы там говорили... где сложно пройти даже хорошо вооруженному отряду? Выбор не ахти, если честно.

Лара хмыкнула и отвернулась, демонстрируя все свое отношение к подобного рода «выбору». Сидящий напротив собеседник почесал лоб под банданой и заметил:

– Вы слишком плохого мнения обо мне. А говоря про отказ, я имел ввиду перебраться в то место, где сейчас обосновались выжившие под руководством военных. Не только мы смогли организовать.

– И где это место? – чисто из интереса поинтересовалась Лариса, вновь переведя взгляд на собеседника.

– На территории винного завода «Золотая балка».

– Нет уж! – раздраженно фыркнула Лара. – Я уж лучше в «галаше» обоснуюсь, чем в непригодных для проживания бетонных коробках.

Собеседник не стал акцентировать внимание на том, что дареному коню стоматологическое обследование не проводят, а лишь хлопнул себя по колену и согласно кивнул:

– Ну так решено. По прибытию в гарнизон пройдете режим регистрации, укажите ваши данные и данные вашей дочери, род деятельности... Ну в общем, ответите на все необходимые вопросы со всей честностью. Надеюсь, я развеял ваши страхи?

– Есть немного, – со вздохом согласно кивнула Лариса, почувствовав, что ее беспокойство проходит, уступая другому чувству. Теперь ее начало терзать чувство неопределенности и страха перед будущим. Конечно, этот страх имел немного иную природу, но все равно теперь придется жить по-другому. Но как именно будет это «по-другому»? Вот это и пугало.

– Ну ладно. Коль уж вы больше не принимаете нас за психов-маньяков, то я пойду. У меня еще целая куча дел.

– Хорошо. – Кивнула Лариса, добавив напоследок. – И спасибо, что не оставили нас.

– Да не за что. Это вы молодец, что так долго продержались в одиночку. Мало кому это удалось. Ладно. Пошел я. – Мужчина кивнул на прощанье и поднялся, направившись к рубке. – Шамиль, Макс, за мной!

Лариса глубоко вздохнула и перевела взгляд на все так же пребывавшую в полном безмолвии подружку по несчастью. Та сидела на противоположном конце катера, возле самого выхода на корму, обхватив себя руками и то и дело подрагивая от безмолвных рыданий.

– Так, сиди здесь и веди себя нормально, я очень тебя прошу. Никуда не лезь, никого не дергай, ничего не делай. Я сейчас вернусь. Поняла? – кивнула Лариса Альке.

– Угу. Хорошо, мам. – Как-то чересчур быстро согласилась дочка, но Лариса как-то и не обратила на это внимания, поднявшись и, стараясь держать равновесие при разгулявшейся на море качке, направилась к корме.

– Привет. Я – Лариса. – Представилась Лара и кивнула на свободное сиденье. – Можно присесть?

Женщина подняла на Лару покрасневшие от слез глаза и кивнула.

– Да, конечно... – борясь с всхлипами, ответила она.

– Нам повезло...

– Что? – не поняла та.

– Я говорю, что нам повезло... Выжить в этом кошмаре не каждому удалось

– Да... Мало кому... очень мало.

Женщина отвечала как-то механически, словно на автомате, снова опустив глаза и теребя заусеницу на ногте. И не то чтобы Ларисе хотелось ее расшевелить, просто именно в этой скукоженной и сжавшейся женщине, она увидела зеркальное отражение самой себя. Это было так сложно объяснить, но жизнь, которая была больше борьбой за выживание, нарастила на ней такие непробиваемые колючки, что даже сошедший с ума мир не сумел ее сломить. А с другим характером одинокой женщине с ребенком было сложно пробиться. За эти годы она привыкла бороться и идти к своей цели, хорошо орудуя локтями.

А эта... Удивительно, что она вообще умудрилась выжить. Лара знала такой тип людей – чем барахтаться, они, привыкшие плыть по течению, скорее сложат лапки и пойдут на дно.

– Мы счастливички, – дружелюбно усмехнулась Лариса.

– Да уж... – согласилась женщина, которая так и не представилась в ответ.

– Ну чего ты так расклеилась, мать? – не теряя времени перешла на «ты» Лара. – Ты жива-здоровая, молода... Вот сколько тебе лет?

Женщина снова подняла взгляд и, не понимая, к чему был задан этот вопрос, все же ответила:

– Тридцать. В мае исполнится.

– Серьезно? – искренне удивилась Лариса, потому как собеседнице можно было дать все сорок, а то и сорок пять – неухоженное лицо, опухшее от слез и мешки под глазами «съели» добрый десяток лет. – Ну надо же...

Лара закусила губу, подумав, что в свои тридцать два она выглядит намного моложе своих лет. Конечно, за студентку ее никто не принимает, но больше двадцати семи редко кто мог дать. Все же забота о коже, правильное питание и занятия спортом давали о себе знать. И было как-то странно видеть женщину, которая была по возрасту моложе ее, а по виду чуть ли ей в матери не годилась. Как так можно не любить себя, Лара не знала.

Реплику Ларисы собеседница пропустила мимо ушей, то ли не поняв ее подоплеку, то ли проигнорировав, но Лара продолжила.

– Всего лишь тридцать! Молодая же совсем! Радоваться жизни надо, а ты сидишь ... вот такая вся. Ну как так можно?

– Да какое тут радоваться! – внезапно вспыхнула собеседница, впервые показав хоть какую-то толику эмоций. – У меня же там свекровь парализованная осталась. Грех-то такой!

Я не хотела идти, когда узнала, что ее спасти не удастся... Да и кто ее будет спасать, когда эти одержимые словно из всех щелей повылазили? Но она заставила меня уйти... Иначе, сказала, что проклянет! И я ушла... бросила ее там, – женщина вдруг снова поникла и разрыдалась, тогда как Лариса застыла в полном недоумении.

Ее отношения с бывшей свекровью не заладились буквально с первых дней семейной жизни, та невзлюбила Ларису, считая, что она недостойна ее золотого мальчика, а Лара искреннее не понимала, почему к ней такое отношение. И ладно бы муж ее поддерживал, это бы придало ей силы снова и снова пытаться наладить мосты с новой мамой. Но тот оказался на редкость послушным сыном, и с чуть ли не открытым ртом внимал всему, что скажет мама. А мама говорила немало... В общем, Ларисе хватило два года семейной жизни. Чтобы понять, что пусть лучше она одна тянет ребенка, чем быть вечно виноватой во всем, что происходило вокруг. И это была отнюдь не метафора. Доходило уже до того, что. Если ее муж грубил матери, то виновата все равно была Лара, так как либо что-то ему нашептала, либо не развеселила сыночку. Последней каплей, которая переполнила чашу терпения Ларисы, оказались слухи о том, что Алька – нагулянный ребенок. Лара могла вытерпеть все, что угодно, но не покушение на свою честь.

В общем, состоялся скандал с последующим разводом и переездом Лары и тогда годовалой Альки в комнату в общежитии, которую с трудом удалось выбить, всучив коменданту в качестве взятки практически все деньги, что были у Ларисы в наличии. И самое характерное было то, что после развода ни свекровь, ни ее сын, бывший муж Ларисы, не проявили никакого интереса к внучке, да и Лара настаивать и навязываться не стала. Хотя иногда, когда становилось совсем худо на душе, ее так и подмывало как можно сильнее насолить бывшему, подать на алименты или заявление о лишении родительских прав, но разум подсказывал, что ничего хорошего из этого не выйдет. А Алька... сама потом разберется, общаться или нет с отцом.

Поэтому Ларисе не совсем была понятна такая привязанность собеседницы к по сути чужому ей человеку.

– Ну осталась бы ты там, и что дальше? Померла бы рядом с ней. И кому бы от того было лучше, подумай...

– Да, – замолчав на секунду, вдруг согласилась женщина, быстро-быстро перекрестившись, что не укрылось от Ларисы. – Но все равно... я себе никогда не прощу своей слабости.

– Ну, ты можешь помнить эту свою слабость хоть до конца жизни. Лишь бы этот конец не пришел так быстро. А ты, коль человек верующий, как я заметила, лучше бы поблагодарила свою свекровь за тот шанс, что она тебе дала. Помолись за нее и скажи спасибо за то, что человек превозмог свой эгоизм, тем самым спас тебя. Так что на все нужно смотреть с разных сторон. Ладно, мне надо возвращаться, а то моя дочка вон уже терроризирует военных.

Алевтина, воспользовавшись отсутствием материнского надзора, уже вовсю о чем-то увлеченно болтала с одним из военных – здоровенным широкоплечим мужиком с не самой приятной внешностью, больше похожим на какого-то уголовника. Лариса, попрощавшись с собеседницей, вернулась к дочке, с подозрением взглянув на здоровяка, который громогласным голосом рассказывал какую-то историю хохочущей от души Альке.

Лара, подойдя к дочке, села рядом с ней, инстинктивно отгораживая ее от мужчины и исподлобья недружелюбно глядя на него. Тот мгновенно уловил настроение матери девочки и, сославшись на некие дела, тут же ретировался, помахав Альке на прощание рукой.

– Аля, ну сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не разговаривала с незнакомыми людьми ?!

– А мы с дядей Горой познакомились! – пожал плечами девчонка, как само собой разумеющееся.

– С какой еще «горой»? – устало вздохнула Лара.

– Ну, с тем дядей. Его так другие называли. Смешное имя, правда? Гора... Что за имя такое?

– Ох, Алька-Алька, – приобняла ее Лариса, предвкушая все предстоящие и неминуемые прелести будущего переходного периода, когда послушных детей забирают инопланетяне, подменяя их на неадекватных подростков. – Ну что ты за человек? Ну почему ты меня никогда не слушаешь...

17.00. г. Севастополь. Андрей Доронин

После того, как катер причалил к пристани в Голландии, и выпрыгнувшие из него вольнонаемные гражданские, подгоняемые криками из капитанской рубки, неумело пришвартовали его к причалу «Борт-70», Доронин отправился к связисту Толе Иваненко, чтобы связаться со штабом и доложить о выполнении задания. Конечно, о том факте, что помимо общей разведки центра, группа Доронина так же произвела разведку причальной стенки, он не будет говорить. Ибо чрезмерная болтливость еще никому не помогала, а вот солярка и прочие полезности, предполагаемое наличие которых Андрей записал в небольшой блокнотик – совсем другое дело. Дружба-дружкой, как говорится... Потому как вспомнив про корабли, катера и яхты в южной бухте, начальство тут же наложит на них свою волосатую лапу, а гарнизону, вверенному капитану Доронину вместо погибшего «при исполнении» Лехи Рябошеева, останется кукиш с маслом. Поэтому Доронин совершенно искренне полагал, что «первым делом мы испортим самолеты, ну а девушек – потом». Все же благополучие своего гарнизона было у него в приоритете.

Гарнизон, конечно, было слишком громкое слово для поселения с численностью, чуть менее двух сотен человек. И это суммарно со спасенным гражданским населением. Но все же когда-то, но поисковые группы, ищущие что-либо полезное, и наткнувшись на выживших, изъявивших желание поселиться при университете. Да и удивительно было бы не согласиться! Все же на территории ядерного университета, что размещался в поселке Голландия на северном берегу Ахтиарской бухты. Были практически все условия для более-менее достойного проживания. Не отель «Хилтон», конечно, но и не территория винзавода, куда перебралось начальство вместе с выжившими.

Вообще ситуация в Севастополе сложилась странная. Нет, чтобы перед лицом общей опасности сплотиться и выживать всем вместе. Но не тут то было... Не прошло и пары дней после того, как особо резвые умершие решили, что спокойно лежать в могилке – это не про них, и пошли кусаться направо и налево, заодно умножая на ноль все усилия городских властей справиться с ситуацией, так уже чуть ли до локальной войнушки не дошли. Это Доронин вспомнил тот случай, когда крейсер «Москва» несколькими залпами затопил украинский катер, пытавшийся перегородить флагману Черноморского флота выход из бухты. Тогда-то напряжение прямо-таки витало в воздухе, но как-то это событие замяли, да и украинские военные верхи вдруг погибли от непонятно откуда взявшихся мертвяков. Потом пытались провести собрание среди высших чинов обеих армий, и даже провели. Но ожидаемого результата это не принесло – к консенсусу прийти не удалось. Видать, опять власть не поделили. Поэтому на данный момент помимо банд мародеров, которые то и дело встречались на пути у поисковых отрядов военных, в городе сформировались два крупных анклава, где и собирали всех выживших. В Казачьей бухте заправляли «россияне», «украинцы» же заняли территорию винзавода «Золотая балка», ну и небольшой «гарнизон» в Голландии, который формально подчинялся «украинцам», а реально был практически автономным подразделением. Вот такая геополитика развернулась в городе-герое. Конечно, все деления на «россиян» и «украинцев» было чисто формальным – никто в паспорта не заглядывал, чтобы проверить гражданство, разве что только для того, чтобы занести данные в базы.

Все заборы, огораживающие территорию университета, Андрей приказал отремонтировать еще неделю назад. И Сенчуков, занявший вакантную должность завхоза, тут же взял под козырек, сперва проинспектировал все возможные входы-выходы и их состояние, а после в спешном порядке вместе со своими подопечными навел необходимый марафет. Но на ограждения все же полностью полагаться было глупо, поэтому были организованы патрули. Так что

встретить случайно забредшего мертвяка на территории было сложно, а вот с мутантами было бы все намного сложнее – обычный забор этих гипертрофированных монстров не сдержал бы. Тут только пулеметные вышки могли бы помочь. И если честно, то Андрей уже подумывал соорудить парочку в направлении, ведущем к зерновым терминалам «Авлиты».

Если честно, то возвращаться в главный корпус совсем не хотелось. Как оказалось, быть во главе целого поселения не так уж и просто. Это не совсем то же самое, что командовать отделением или взводом. И дело не в количестве человек в подчинении. Андрей давным-давно усвоил одну простую вещь: если можешь организовать работу троих человек, то в дальнейшем число подчиненных не играет никакой роли. Но сейчас все было в разы сложнее. Одновременно приходилось решать не только вопросы, навязанные сверху, руководством, но еще и держать в уме тысячу мелочей и не очень. Как то где поселить людей, где достать все необходимые предметы обихода, на которые в прошлой жизни и не обращал внимания, чем накормить всю эту ораву, находящуюся у него в подчинении, обеспечить работой, дабы они могли получать усиленные пайки. И это только те вопросы, касающиеся ежедневных потребностей. А еще вопросы электрификации, водоснабжения, топлива и достаточного количества автотранспортных средств. Хорошо хоть задач по снабжению оружием на него не возлагалось – оружие и патроны подкидывало руководство. Но предстояло еще разработать какой-то план на дальнейшую жизнь. Ведь впереди лето и можно будет прокормиться «подножным кормом», на который так богата крымская природа, и богатствами моря. Но при летней жаре тут же возникнет еще одна проблема – сохранности продуктов, которые без должных температурных режимов не протянут и суток – любое мясо в летнюю жару протухнет через три-четыре часа. А мощности аккумуляторов попросту не хватит, чтобы запитать холодильники на «камбузе». Еще предстояло проконтролировать переплавку тротила и сбор продовольственных запасов.

От всего этого просто кружилась голова. Поспать удавалось от силы часа четыре в сутки, а все оставшееся время было расписано чуть ли не по часам. Про «посидеть в тишине и одиночестве» даже речи не могло быть – через каждые полчаса кому-то да приспичивало заглянуть в его кабинет, не давая сосредоточиться.

Именно поэтому Андрей с такой радостью возглавил разведывательный отряд, тем самым вызвав огромное удивление у Черепа и недовольство Сенчукова.

В целом, идти вот так и чувствовать себя таким себе хозяином, было весьма приятно, да и сама территория даже на критический взгляд Доронина, пребывала в весьма удовлетворительном состоянии. Проходя мимо разросшихся кустов с начинающей пробиваться листвой, Андрей сделал себе мысленную заметку, что необходимо помимо всего прочего содержать и растения в порядке. Теперь этот гарнизон – это их общий дом, который предстояло содержать в надлежащем виде.

– Капитан, ты о чем задумался? – пропыхтел шагающий рядом Ёж, тащивший один из баулов.

– Да так. – Пожал плечами Доронин. – Смотрю, что нужно сделать здесь еще.

– Сложно, да?

– Что именно?

– Держать все сразу в голове.

– Есть немного, – согласился Андрей. – Удивляюсь, как Рябошееву удавалось со всем этим справляться.

Ёж помолчал немного, но потом все же сказал то, что думал.

– Если говорить совсем уж прямо, то Лёха выполнял задачу по обеспечению выживания нашего сперва небольшого отряда, который потом разросся. А вот все остальное свалилось уже на твои плечи после его гибели. Так что...

– Ты хочешь сказать, что неизвестно, как бы себя повел Рябошеев?

– Именно.

– Ну ладно, будем считать, что ты у нас заделался штатным психологом.

– Вот уж нет, спасибо, не надо, – тут же замахал свободной рукой Ёж, всем своим видом показывая свое «счастье» получить такую должность. – В чужих тараканах ковыряться? Чур меня! Мне своих хватает.

Андрей уже поднимался по лесенке, ведущей ко второму студенческому общежитию, где на первом этаже располагалась спецкомендатура, когда навстречу ему попала Маша – жена Черепа. Она сущей фурией спустилась по лестнице, даже не глянув на него, не то чтобы поздороваться додумалась. Усиливающийся ветер, дующий ей в лицо, растрепал волосы. Отчего она еще больше стала походить на ведьму – только метлы не хватает. Андрей мысленно покачал головой и посочувствовал бывшему напарнику по экипажу из ЧОПа, где раньше работал. Видать, опять с Черепом поцапалась, раз такая злая.

Толя Иваненко как обычно был на своем месте, только вот помимо него в кабинете бывало двое девчонок – еще вчерашних студенток, которые чуть ли не с раскрытыми ртами ловили каждое его слово.

– Здоров, Морзе! – поздоровался Андрей с высоким и широкоплечим прапорщиком, чей сжатый кулак внушал уважение, и который был добродушным добряком, не смотря на весь свой устрашающий вид.

Девчонки при появлении Доронина тут же встrepенулись и обе подскочили по стойке «смирно», не забыв при этом гаркнуть (если так можно было назвать нестройный дуэт женских голосов) «здравижелатарискаптан».

– Вольно! – отмахнулся от девиц Андрей и поручался с Иваненко, опасаясь, что его лапища попросту переломает все кости ладони. – Ну ты и медведь, – потряс рукой Андрей. – Может, хватит тогда здесь рассиживаться?

– Так вот... – развел руками Иваненко. – Готовлю, так сказать, смену. Мне этих троих Бондаренко прислал. Сказал – натаскать их.

– Эт правильно Пал Степаныч сделал, – согласно кивнул Андрей, вспоминая свой разговор с бывшим майором-разведчиком, который взялся за обучение гражданских, изъявивших желание влиться в ряды вооруженных сил. – И девиц есть куда пристроить. А почему три? Где третья?

Андрей вопросительно глянул на все еще стоявших с прямыми спинами, не смотря на команду «вольно» девчонок. Те сразу же суксились, не зная, что ответить.

– Ну. Так где третья? Чего застыли как засватанные? Что глаза пучите, как налим на сковородке?

– Да она... Ну в общем... – подыскивая слова начала было одна из них, но тут же нарвалась на нахмуренный взгляд Андрея.

– Чего ты мямлишь? Доложить по уставной форме!

– Тащ капитан, вольнонаемная Череповец самовольно покинула....

– Отставить... можешь не продолжать. Товарищ прапорщик, вы, как непосредственный командир, которому эти бойцы переданы в подчинение, выберите сами меру наказания для Череповец Марии. И проконтролируйте все. Так, теперь вы, – повернулся к насупленным девицам Андрей. – Давайте, показывайте, чему вас прапорщик Иваненко научил. Давайте мне связь с командованием.

– Ага! – тут же кивнула та, что пониже ростом. – Ой. Извините. Так точно!

Андрей едва сдержал улыбку, наблюдая, как засуетилась девчонка. Пока она колдовала над рацией, Толя встал из-за стола и, негромко что-то шепнул второй – круглолицей со смешными ямочками на щеках. Та сразу же кивнула и предложила Андрею чаю, на что он с радостью согласился. Все же чашка горячего чая после того, как полдня прошарахался на промозглом ветру – было то, что нужно.

В общем, у Толи Иваненко Андрей задержался почти на час, но все равно пришлось подниматься в главный корпус, потому как его вызвали по рации и доложили, что нашли-де какую-то городскую шишку. Эта новость очень заинтересовала Доронина.

– Что там? – кивнул Толя.

– Да вот, доложили, что к посту, что на «звездочке» стоит, вышел бывший помощник мэра и теперь требует аудиенции.

– В смысле «вышел»? – не понял Толя.

– В прямом. Из лесу... вышел. А теперь требует... Вот так-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.